Изъ воспоминаній отшельника к—ской пустыни.

Се удалихся бѣгая, и водворихся въ пустыни. Чаяхъ Бога, спасающаго мя отъ малодушія и отъ бури (Псал. 52, ст. 8 и 9).

Родители мои были крестьяне, и это обрекло меня съ дѣтства на жизнь крестьянскую. А кому не извѣстно, какова была эта жизнь лѣтъ 50 назадъ, притомъ въ томъ краѣ, въ которомъ я родился, въ стенавшей всегда отъ польскаго ига Подоліи. Плугъ да рало, жена да мірскіе хлопоты, трудъ до поту, да панскіе нагаи... Трудно, почти невозможно было тогда кому нибудь изъ крестьянъ выбиться изъ своей горькой доли. Кто хотѣлъ бы освободиться, конечно, чрезъ выкупъ, отъ панской неволи, на того паны смотрѣли какъ на бунтовщика, возмущающаго и другихъ противъ ихъ власти. Да и гдѣ было взять денегъ на выкупъ? Меньше, чѣмъ кто либо, могъ думать объ этомъ и я, а потому, придя въ возрастъ, спокойно принялся за плугъ и за чумачку и безъ ропота несъ назначенный мнѣ отъ Бога крестъ. Богъ однако судилъ о мнѣ иначе и нежданно ни для меня самого, ни для родныхъ и близкихъ моихъ, исторгъ меня изъ яремнаго ига моего и упокоилъ меня отъ всѣхъ тягостей и скорбей житейскихъ во святой обители своей, еще задолго до освобожденія крестьянъ отъ рабства и неволи панской.

Хочу разсказать о томъ, какъ все это совершилось и какимъ испытаніямъ подвергалъ меня Господь прежде, чѣмъ явить на мнѣ вседѣйствующую свою силу; хочу вспомнить при этомъ мое дѣтство и какъ выростали тогда люди одинаковаго со мною состоянія, чему и какъ они научались и какъ, страдая въ пан-

ской неволѣ, не теряли вѣры въ Бога и надежды на лучшую жизнь. И если читатель найдетъ во всемъ этомъ что либо неизвѣстное и любопытное, а быть можетъ и поучительное для себя, то цѣль моя будетъ достигнута.

Родъ мой, какъ я уже сказалъ, былъ простой; отецъ и мать моя были помѣщичьи крестьяне и жили въ с. Поборкѣ, гайсинскаго уѣзда, подольской губерніи, входившемъ въ составъ большаго имѣнія графини Александры Станиславовны Потоцкой. Я помню еще дѣда моего Михайла Барана; высокій и статный былъ старикъ. Зашелъ онъ сюда изъ Брацлавщины и женился здѣсь на дочери уніатскаго священника Ѳедора Малицкаго, Евдокіи. Не знаю почему, помѣщичья контора записала дѣда моего по фамиліи его жены и съ того времени фамилія эта перешла и на насъ. Бабка моя считала себя въ родствѣ съ кіевскимъ митрополитомъ Іероѳеемъ Малицкимъ; но такъ ли было на самомъ дѣлѣ, утверждать не берусь. Была она женщина глубоко набожная и многое видѣла на своемъ долгомъ вѣку. Въ Коліивщину она была еще дѣвушкой, и чего бывало не пораскажетъ намъ о гайдамакахъ, о польской съ ними расправѣ, о набѣгахъ татаръ, о злодѣйствахъ конфедератовъ и т. п. Изъ разсказовъ бабки моей о Коліивщинѣ осталось у меня въ памяти, какъ въ это ужасное время, когда разъяренные гайдамаки вырѣзывали *до ноги* всѣхъ ляховъ и жидовъ, были въ нашемъ милосердномъ народѣ люди, которые укрывали у себя панскихъ и жидовскихъ дѣтей и женщинъ, убѣгавшихъ отъ всеобщей рѣзни, наряжая ихъ въ свою одежду и выводя ихъ съ собою на свои работы. Удивительна однако была и сообразительность гайдамакъ. Узнали они объ этомъ и чтобы не мучить своихъ людей допросами и обысками, придумали вотъ какой способъ «выкрывать» шляхтянокъ и жидовокъ. «Оце, разсказывала бабка, зъидуть було до села и якъ де купа жинокъ або дивокъ, на городи, чи на ричци,— такъ и кинутьця до ихъ верхами; то котори свои, закричать: «Охъ мени лыхо», або: «рятуйте, хто въ Бога вируе»! А котора закричить: «ой Ісзу», або: «ой вей миръ», ту заразъ ратищемъ, або ножемъ такъ и колютъ.

Родился я 22 октября 1820 г. и при рожденіи получилъ имя Аверкій. Изъ времени моего дѣтства врѣзались особо въ мою память слѣдующія два обстоятельства.

Мать моя въ бесѣдахъ съ родными и сосѣдями то и дѣло повторяла: «я съ своимъ Аверкіемъ въ монастыръ ходила», и это значило, что, будучи беременна мною, она ходила на богомолье съ сосѣдній Грановскій монастырь. Много десятковъ лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, мать моя давно почіетъ въ землѣ, а слова ея и теперь отдаются въ моемъ сердцѣ, и я вѣрю, что скорбный путь ея и былъ тотъ путь, которымъ Господь отъ утробы матернѣй велъ меня къ иноческой жизни.

Помню другое обстоятельство; оно произвело на меня болѣе сильное впечатлѣніе, но осталось до времени столь же мало понятнымъ, какъ и первое. Играли мы какъ-то въ хатѣ съ маленькой сестрой Наталочкой, а мать, стоя у печи, досматривала, чтобы не пересидѣлъ находившійся въ печи хлѣбъ; вдругъ слышимъ, на дворѣ у насъ залаяли собаки. Я и сестра бросились къ окну, а вслѣдъ за нами и мать. Видимъ, среди двора обороняется отъ собакъ высокій сгорбленный старикъ въ лохмотьяхъ панскаго платья. Это былъ шляхтичъ, служившій когда-то писаремъ или приказчикомъ у поссесора нашего села, Каминскаго. Настоящей его фамиліи я не знаю, а въ селѣ звали его Чуганкою и звали такъ потому, что онъ носилъ всегда сѣрый *чугай*, въ родѣ плаща или епанчи. Состоя въ должности и власти, Чуганка былъ страшно жестокъ по отношенію къ крестьянамъ, немилосердно, чисто звѣрски наказывалъ ихъ, находя какое-то дикое удовольствіе въ томъ, чтобы мучить ихъ и разнообразить самыя эти мученія. Но вотъ Богъ наказалъ его и онъ, лишась мѣста и не собравъ ничего про черный день, долженъ былъ, оставшись въ нашемъ же селѣ, жить подаяніями тѣхъ самыхъ людей, съ которыми передъ тѣмъ онъ такъ гордо и такъ жестоко обходился. Этотъ-то самый Чуганка шелъ теперь къ намъ просить хлѣба.

— Отъ старый собака, сказала моя мать, увидавъ его; ходыть по пидъ викна, та милостыни просыть, а самъ, якъ бувъ

писаремъ, не хотивъ бути милостивымъ для людей. Колысь и мени досталось видъ его.—Якъ я слабила тобою, продолжала мать, глядя на меня, та не выйшла на панщину, то винъ казавъ на другій день привести мене до двору, положивъ въ корыто и давъ мени десять лозъ.—Та Богъ зъ нимъ! Винъ теперъ бидный, закончила мать и съ этими словами подошла къ печи, вынула оттуда свѣжій хлѣбъ, помазала сверху саломъ и вынесла Чугаинкѣ, успѣвшему уже добраться до дверей.

Возвратясь въ хату, мать перекрестилась, слегка вздохнула и чуть слышно сказала: «нехай ёго Богъ судыть»!

Такъ-то еще въ утробѣ матерней пришлось уже мнѣ претерпѣть отъ папскихъ рукъ, которыя не переставали преслѣдовать меня и потомъ, пока Богъ не судилъ мнѣ успокоиться отъ пихъ въ своемъ святомъ убѣжищѣ!

Родители мои были люди богобоязненные и знали многое изъ того, что требуется для жизни христіанской. Особый случай помогъ имъ въ этомъ. Не задолго до моего рожденія умеръ приходскій священникъ нашего села. Приходъ, какъ это обыкновенно дѣлалось въ то время, былъ зачисленъ за его осиротѣлыми дочерьми, а къ намъ для совершенія требъ назначенъ былъ временно наблюдающимъ священникъ безсемейный, благочестивый старикъ о. Стефанъ. Дома у священниковъ были тогда свои, а не общественные, притомъ тѣсные. О. Стефану крайне не хотѣлось стѣснять осиротѣлой семьи умершаго священника и потому, когда отецъ мой предложилъ къ его услугамъ свое убогое жилище, онъ охотно и даже съ радостію принялъ это предложеніе и поселился у насъ. Прожилъ у насъ о. Стефанъ полтора года и ему-то, его глубоко назидательнымъ бесѣдамъ, чтеніямъ изъ евангелія и разсказамъ изъ житій святыхъ Божіихъ, родители мои, а съ ними и я, обязаны своимъ духовнымъ просвѣтлѣніемъ, нашею вѣрою въ Бога, терпѣніемъ, любовію къ ближнимъ. Мысль о Богѣ, о спасеніи своей души, о жизни загробной никогда, кажется, не покидала моей матери среди непрерывныхъ трудовъ бѣдной крестьянской жизни. Чтобы чѣмъ нибудь явить свое усердіе и готовность служить Господу,

мать моя дала обѣтъ ежегодно ходить на богомолье въ Бершадскій монастырь, находившійся не въ далекомъ отъ нашего села разстояніи; весною, лишь только управится она, бывало, съ самыми спѣшными хозяйственными работами, немедленно отправляется въ свое благочестивое путешествіе. Стараясь вдохнуть и въ меня то же религіозное настроеніе, какимъ была проникнута сама, она всегда брала меня съ собою въ монастырь и даже, когда я былъ еще такъ малъ, что не въ состояніи былъ идти самъ, не тяготилась нести меня во всю почти дорогу на своихъ рукахъ. Не могу безъ особаго умиленія сердечнаго вспоминать о томъ, съ какимъ благоговѣніемъ она вступала въ св. обитель, съ какимъ усердіемъ, усталая отъ дороги, выстаивала продолжительныя монастырскія службы, съ какимъ пламеннымъ чувствомъ шептала молитвы, съ какимъ сокрушеніемъ, слезами и вздохами полагала земные поклоны и простиралась ницъ на землѣ. А меня то и дѣло наставляла: вотъ такъ стой, вотъ такъ смотри, вотъ такъ молись! Ея примѣръ неотразимо дѣйствовалъ на меня, ея слова глубоко западали мнѣ въ душу, и не было у меня иной мысли, другого желанія, какъ только подражать во всемъ матери. По дѣтской впечатлительности, я бралъ иногда черезъ край и тѣмъ причинялъ безспокойство и огорченіе моей доброй матери. Имѣла она напр. обычай каждый разъ, когда я иду въ церковь, давать мнѣ собственнаго приготовленія свѣчку, чтобы я поставилъ предъ иконою. Что же? Я такъ привыкъ къ этому, что потомъ не хочу, бывало, идти въ церковь безъ свѣчки, и если мать не приготовитъ мнѣ свѣчки съ вечера, то я съ полночи уже не дамъ ей покоя, мычу и пищу: «вставайте, сучить мени свичку, бо уже до церкви пора». Былъ другой неизмѣнный обычай у моей матери: во всѣ посты и въ обыкновенное время по средамъ и пятницамъ она постилась до вечерней зари и только, по заходѣ солнца, позволяла себѣ принимать немного пищи. Меня, конечно, она не заставляла выдерживать съ нею такой суровый постъ. Но какъ мнѣ отстать отъ матери! И вотъ я упорно отказываюсь отъ ѣды, и мать не знаетъ, что дѣлать со мною, или же стараюсь не быть у

нея на глазахъ, чтобы она не напоминала мнѣ о пищѣ, либо спрячу данный мнѣ кусокъ хлѣба и скажу, что съѣлъ. Но голодъ не свой братъ, особливо у дитяти: съ полдня уже затошнитъ, позеленѣетъ лице, животъ подведетъ; я стяну животъ ременнымъ пояскомъ и все терплю, лишь бы не отстать отъ матери. Иной разъ она и посердится на меня, но ничего не можетъ сказать противъ своего убѣжденія и обычая.

Много другаго добраго, истинно христіанскаго внушала мнѣ мать моя словомъ и дѣломъ. Чего, чего не наскажетъ было она мнѣ, какихъ правилъ и наставленій не надаетъ, какихъ примѣровъ и случаевъ не приведетъ! А ея пѣсни, глубоко печальныя, и доселѣ щемятъ мнѣ сердце. Какъ теперь вижу ее, сидитъ, бывало, за прялкой, или за какою нибудь другою работою и поетъ пѣсню о прекрасномъ Іосифѣ египетскомъ (это была любимая ея пѣсня), поетъ и плачетъ. Глядя на нее, и я начинаю плакать и спрашиваю у нея:

— Мамо! якій то Іосифъ?

— А такій, отвѣчаетъ мать, що зли браты продали ёго въ Египетъ за те, що винъ бувъ добрымъ.

И мать начинаетъ разсказывать мнѣ объ Іосифѣ прекрасномъ, не забывая прибавить:

— Оттакимъ и ты будь—тихимъ, смирнымъ: никого не зачипай, ходи якъ линъ по дну, а якъ хто тебе зачепыть, полы вражъ та втикай, то може й тебе Господь колысь на люди выведе.

Много и другихъ назидательныхъ пѣеенъ и разсказовъ знала она и многому доброму научала меня при посредствѣ этихъ пѣсенъ и разсказовъ.

Но еще больше этихъ пѣсенъ и разсказовъ зналъ мой отецъ и также часто, какъ и мать, любилъ наставлять ими свою семью. Особенно часто пѣвалъ онъ любимую въ нашемъ народѣ пѣсню о св. великомученицѣ Варварѣ, о томъ, какъ и чѣмъ она навлекла на себя гнѣвъ своего отца Діоскора, какъ и за что онъ подвергалъ ее самымъ жестокимъ наказаніямъ и мученіямъ. Время изгладило изъ моей памяти слова и даже содержаніе этихъ

пѣсенъ, но пѣснь о св. великомученицѣ Варварѣ отецъ пѣлъ такъ часто, что и до сихъ поръ я помню еще начало ея:

Свята Варвара на муки ставала,
Що три викни въ Бани сбудувала.

Особенное душевное удовольствіе доставляли мнѣ его разсказы о жизни и дѣлахъ св. угодниковъ Божіихъ. Житій святыхъ мой отецъ зналъ очень много, но чаще всего разсказывалъ онъ мнѣ житіе св. чудотворца Николая; этого святого особенно онъ чтилъ и ежегодно въ день его памяти непремѣнно посылаетъ, бывало, чрезъ меня въ церковь «мисочку» и проситъ священника отслужить святителю Николаю молебенъ.

Всего охотнѣе, однакожъ, выслушивалъ я разсказъ своего отца о житіи моего патрона св. Аверкія, чудотворца Іерапольскаго, съ восторгомъ и радостнымъ сердечнымъ трепетомъ внималъ его словамъ, съ умиленіемъ и любовью замѣчалъ всѣ, даже самыя малѣйшія, подробности повѣствованія о томъ, какъ св. Аверкій путешествовалъ въ Римъ для изгнанія бѣса изъ царевны и какъ потомъ заставилъ этого самого бѣса отнести камень въ Іераполь и поставить его подлѣ дверей іерапольскаго храма. Какія-то смутныя, неопредѣленныя представленія возникали въ моемъ воображеніи при этомъ разсказѣ, какое-то пламенное непреодолимое желаніе возгоралось въ моей душѣ, куда-то я рвался, къ чему-то стремился, чего-то искалъ, самъ не въ силахъ будучи дать себѣ отчетъ въ своихъ мысляхъ и желаніяхъ, и надъ всѣмъ этимъ царило во мнѣ одно желаніе также угодить Господу своею жизнію и своими дѣлами; но какъ и чѣмъ достигнуть его, это превышало мое дѣтское разумѣніе и вызывало во мнѣ пламенную молитву къ Богу и св. угоднику Его Аверкію.

Но не одними этими разсказами дѣйствовалъ на меня отецъ, вызывая во мнѣ стремленіе къ какой-то другой жизни; нерѣдко преподавалъ онъ мнѣ наставленія и для будничной моей жизни, отклоняя меня отъ дурныхъ привычекъ. Всего чаще отучалъ онъ меня отъ употребленія бранныхъ словъ, но дѣлалъ это

кротко, безъ гнѣва. Скажешь, бывало, по привычкѣ: «чортъ его знае»! и отецъ тотъ часъ:

— Не говори такъ, бо такъ грихъ, а говори: «Богъ его святый знае»! И якъ хто тебе зобидыть, николи не кажи: «щобъ тебе чортъ взявъ», а кажи; «Богъ съ тобою»! бо якъ ты чорта сгадуешь, то винъ до тебе приступае ближче, а ангелъ отдаляется отъ тебе.

Тоже и относительно клятвы и божбы, такъ обыкновенныхъ въ быту крестьянскомъ. Изъ этихъ замѣчаній и наставленій и слагались у меня правила жизни и вырабатывались привычки; они-то замѣняли для меня то, что даетъ другимъ воспитаніе и наука.

Впрочемъ и относительно ученія на мою долю выпало рѣдкое въ крестьянскомъ быту счастье. Школа была въ ту пору не рѣдкость въ нашемъ краѣ и едва мнѣ минуло 6 лѣтъ, какъ родители мои отдали меня учиться къ дьячку. Это былъ завѣтъ жившаго у насъ о. Стефана, и ему я обязанъ моимъ скромнымъ начальнымъ обученіемъ.

Въ школу меня отдали столь малымъ, что въ дурную погоду, особливо въ мятель, меня носилъ туда на рукахъ наймитъ. Школа была близъ церкви, но далеко отъ нашего двора. Училъ конечно дьячекъ. Охоты къ ученью у меня совсѣмъ не было, да врядъ ли она у кого нибудь и могла быть. Такое тогда было ученье, что скорѣе на всякую работу не только домашнюю, но и панскую готовъ бы итти, чѣмъ въ школу. Что ни учишь, какъ ни бьешься, бывало, ничего въ толкъ не возьмешь, а затвердишь поневолѣ, повторяя цѣлые дни одно и тоже. Иначе и поступить нельзя впередъ, пока не вытвердишь все заданное. Учили насъ не многому; всего три книжки было: граматка, часловецъ и псалтырь. Но какъ много времени требовалось на нихъ! Иной три-четыре года учится, а я даже пять лѣтъ ходилъ въ школу, пока сталъ безъ запинки читать всю псалтырь и выучился кое какъ писать, и то не на бумагѣ, а на деревянной досточкѣ разведеннымъ въ водѣ мѣломъ. И то сказать надо: начинали мы ходить въ школу только по снѣжному пути, а бросали книжку,

какъ только снѣгъ сходилъ съ полей. Что выучишь за зиму, то за лѣто забудешь и зимою вновь старое твердишь. Иначе впрочемъ и быть не могло, когда всѣ въ семьѣ, и даже подростки, должны были и на *пана* работать, и свои нужды справлять. А паны ненавидѣли школу и школяровъ чаще другихъ гнали на работу. Грамотный человѣкъ считался у нихъ самымъ опаснымъ и просто пронащимъ человѣкомъ; они преслѣдовали его, какъ-то было потомъ и со мною, всѣми способами и старались сдать въ солдаты. Удивляться даже надо, какъ у тогдашняго крестьянина доставало еще охоты посылать, при всѣхъ трудностяхъ и нуждахъ, дитя свое въ школу, когда грамотнаго ждалъ «нагай» отъ пана, а нерѣдко и «красная шапочка». Правда, и училось насъ немного, всего 10—12 душъ, а иногда и меньше десяти. Въ школу могли посылать дѣтей только зажиточные люди, которые имѣли чѣмъ заплатить и не нуждались дома въ помощи дитяти. Сначала я отвиливалъ отъ школы и однажды два дня съ ряду прогулялъ съ чужими дѣтьми. Но дьячекъ далъ знать родителямъ, что уже два дня, какъ я не былъ въ школѣ. Мать только пожурила, но отецъ больно наказалъ меня. Это навело на меня страхъ, но не внушило любви и охоты къ ученію. Охота явилась уже тогда, когда дьячекъ выучилъ насъ подтягивать ему въ пѣніи, научилъ насъ виршамъ, сталъ брать насъ не только на клиросъ, но иногда и на «оказіи», то поручая что либо понести, то заставляя прочитать вмѣсто него *Трисвятое* и *Отче нашъ*, а потомъ и *Помилуй мя Боже* или *Благословлю Господа*. Премудрый это былъ обычай у тогдашнихъ учителей-дьячковъ ставить насъ школяровъ на клиросъ и предоставлять намъ прочесть въ слухъ то, что мы уже твердо, больше на изустъ, чѣмъ по книгѣ, изъучили. Не будь этого, мы скоро забывали бы то, что съ великимъ трудомъ и мученіемъ выучивали въ школѣ, да и совсѣмъ бросали бы школу. Клиросъ былъ для насъ практикою, другою и лучшею школою. Тутъ и охота къ ученію, и соревнованіе съ другими; тутъ мы съ разу видимъ, что ученіе не пропало даромъ, а для родителей и не могло быть большаго удовольствія, какъ слышать дитя свое читающимъ или

поющимъ въ церкви. Правда, это чтеніе въ слухъ всѣхъ, притомъ въ церкви, приводило меня въ страхъ, бросало то въ жаръ, то въ холодъ; но похвалятъ родители, похвалятъ чужіе и—земли не слышишь подъ собою. Не скоро, подъ конецъ ученія, и то не всякому, удавалось получить отъ дьячка дозволеніе или порученіе прочесть *Коль возлюбленна* или *Благослови душе моя Господа*. Вся трудность въ томъ была, что тѣ же псалмы въ школьныхъ книгахъ были напечатаны меньшими буквами, чѣмъ въ книгахъ церковныхъ, и слова и строки ихъ приходились не на тѣхъ мѣстахъ, что тамъ; кромѣ того по окончаніи ихъ въ церкви слѣдовали еще тропари и кондаки, которые положены не подъ рядъ и которыхъ мы и найти не умѣли. До всего этого доходили мы постепенно, многіе уже по окончаніи ученія, а иные и совсѣми не доходили. Кто могъ прочитать въ церкви *вечерню* и *часы*, тотъ считался выучившимся совершенно. Но высшею честію и вѣнцемъ ученія признавалось, если кто могъ громко, внятно, безъ ошибокъ и запинки прочесть по срединѣ церкви *Апостола*. Дозволеніе читать *Апостола* давалось отъ дьячка, какъ особая награда, тому изъ школяровъ, кто заявилъ себя не только усерднымъ ученіемъ и посѣщеніемъ церкви, но и твердымъ чтеніемъ молитвъ и псалмовъ. Не было предѣла моей радости, когда я наконецъ дождался этого дозволенія, о которомъ мечталъ все время ученія. Только послѣ этого и родители мои признали, и самъ я увѣрился, что учился не даромъ. Дома послѣ этого въ шутку стали звать меня дякомъ. Но что особенно важно было для меня, это то, что я привыкъ ходить неупустительно и даже охотно въ церковь къ вечерни, утрени и обѣдни каждый воскресный и праздничный день. Церковь была для меня новою и самою важною школою: какъ ни мало понималъ я тогда, какъ ни смутны были объясненія дьячка, къ которому я то и дѣло обращался съ вопросами, но все же я не могъ не замѣчать, что знаю больше другихъ, особливо моихъ ровесниковъ, могу сказать напр., когда начало службы въ церкви, средина или конецъ, когда какой праздникъ бываетъ, когда начинается какой постъ, могу объяснить, по какому случаю праздникъ или

постъ, могу иногда и евангеліе пересказать. Въ послѣднемъ много помогалъ мнѣ мой отецъ, который, не смотря на то, что былъ неграмотный, внимательно слѣдилъ за тѣмъ, что читается и поется въ церкви и многое зналъ наизустъ. Пріучилъ его къ этому долго жившій у насъ о. Стефанъ, и онъ сталъ и отъ меня требовать того-же. Памятенъ мнѣ случай, когда отецъ въ первый разъ обратился ко мнѣ съ распросами о томъ, что читалось въ церкви. Была недѣля Закхея. Послѣ обѣдни пришли мы домой и, перекрестившись, сѣли обѣдать. За обѣдомъ отецъ говоритъ:

— А скажи-но мени, яке сегодня евангеліе читалось?

Я смутился и не зналъ, что отвѣчать.

— Ото такій нашъ красный дякъ! не знае, яке евангеліе читалось! сказалъ отецъ и, пристыдивши меня за мою расѣянность, началъ по своему разсказывать, что читалось въ тотъ день изъ евангелія.

— Се, бачъ, читавъ намъ сегодни батюшка, яка-то причта була зъ еднымъ багатыремъ та дуже гришнымъ чоловикомъ, тоди, якъ Христосъ ходивъ по земли. Було то въ жидивскій земли. Бувъ тамъ, може и теперь е, городъ Іерихонъ, а въ ёму людей сила. Були тамъ всяки началники, були и таки, що подати сбирають, якъ отъ у насъ сипаки подушне правлять, а найстарній надъ ними, якъ бы то у насъ асаула, бувъ чоловикъ, на имя Закхей. Не милостивый, та ще й несправедливый то бувъ чоловикъ: не вважавъ на бидного, на вдову, на сироту, дравъ зъ усихъ, скильки треба й не треба, та й чи мало соби добра придбавъ. Отъ одного часу приходить Господь до Іерихону. Люди вси такъ и пишли за нимъ, щобъ послухать ёго, або хоть поглянути на его. Побигъ и той Закхей, дарма що багатырь та нечестивець бувъ. Тильки едно, що сила людей ишла, а друге, що самъ малый на зристъ бувъ, не мигъ ниде угледити Христа. Отъ забигъ винъ впередъ людей и вылизъ на дерево, на смоковныцю, та такъ пильнепько дивитьця на Господа. А Господь до ёго: излизь, рече, Закхее, днесь бо подобае мени у тебе въ господи бути. Закхей поспихомъ злизъ зъ дерева, и ввивъ, и витавъ у

себе Христа. Спознавъ винъ, що то есть Сынъ Божій, спознавъ свои тяжкіи грихи, впавъ до нигъ его и каже: Господи, каже, отже половину добрэ мого биднымъ отдамъ и що въ кого взявъ, вчетверо одверну. А люди ремствували на Христа: до гришныка, кажуть, въ господу зайшовъ,—бо такихъ збирщикивъ и тоди ненавидили, якъ отъ у насъ асауливъ ти сипакъ. А Христосъ видыть, якъ-то кантьця той гришникъ, тай каже ёму, що отъ сего дня спасеніе ёму, на те я й прыйшовъ, же бы гришникивъ спасти.

Въ такомъ же родѣ разсказываетъ, бывало, мнѣ отецъ о мытарѣ и фарисеѣ, о блудномъ сынѣ, о страшномъ судѣ, присовокупляя къ этому благочестивыя наставленія. Этимъ онъ заставилъ меня быть внимательнымъ къ тому, что читается въ церкви. Не выучившись самъ грамотѣ, онъ, какъ я уже упоминалъ объ этомъ, изустно научился многимъ евангельскимъ разсказамъ отъ о. Стефана.

Сказавши такъ много уже о моемъ ученіи, я ничего почти не сказалъ о моихъ учителяхъ. Ихъ было два, оба дьячки нашего же села. Первый Осипъ Гримайло: того я мало и помню. Высокій, сухой старикъ, очень строгій человѣкъ: билъ насъ «дисциплиною», ставилъ колѣньми на горохъ и гречку; ходилъ стриженый въ какой-то козачкѣ и поверху опанча. Былъ онъ, кажется, изъ уніатовъ, зналъ много кантовъ и набожныхъ пѣсенъ, училъ насъ виршамъ и въ Рождество и Пасху водилъ насъ по хатамъ съ поздравленіемъ. Когда онъ умеръ въ 1827 г., на его мѣсто опредѣленъ Ефимъ Сендерко, одинъ изъ сыновей его предмѣстника, зашедшій къ намъ изъ херсонской губерніи. Отецъ его умеръ въ нашемъ же селѣ задолго до моего рожденія, а мать (звали ее Ефросинія) осталась въ крайней бѣдности съ нимъ и грудным еще братомъ Иванкомъ. Но вотъ какъ Богъ промышляетъ о сиротахъ. Несетъ однажды въ сумерки эта бѣдная вдова воду изъ керницы, а на встрѣчу ей ѣдетъ бричкою панъ. Остановился и проситъ воды напиться. Дьячиха подставила переднее ведро. Панъ напился, поблагодарилъ, а потомъ спрашиваетъ:

— А не знаешь, молодичко, дебъ тутъ у васъ переночувать? Ничъ заходить, кони потомились.

— А коли ваша ласка, отвѣчаетъ Ефросинія, заиздить до моеи господы. Повозку можно заточить въ клуню, тамъ и кони на току стануть, а вашу милость до хаты просимо.

Панъ заѣхалъ во дворъ и расположился на ночлегъ. Молодая, пригожая дьячиха съ разу приглянулась ему и послѣ первыхъ распросовъ онъ предложилъ ей ѣхать съ нимъ и выйти за него за мужъ.

— Теперь, говорилъ онъ, я ѣду въ мѣстечко Кибличь закупить тамъ плуги, рала, возы, колеса, вила, грабли, и пр., а оттуда заѣду за тобою и поѣдемъ вмѣстѣ. Будь готова!

Ефросинія согласилась и, не сказавъ никому ни слова, чрезъ нѣсколько дней ночью уѣхала изъ села съ возвращавшимся женихомъ, взявъ съ собою дѣтей и кое-какіе пожитки. «Пропала дячиха», говорили долго въ селѣ, а потомъ и забыли объ ней.

Прошло много лѣтъ. Отецъ мой, доставлявшій чью-то пшеницу въ Одессу, на обратномъ пути подрядился съ другими чумаками доставить откуда-то камень въ село Ганское, херсонской губерніи, ананьевскаго уѣзда, гдѣ строилась тогда большая каменная церковь. Привезли камень, свалили и пошли къ управляющему за расплатою. Тутъ на встрѣчу имъ жена управляющаго и съ радостнымъ крикомъ бросается къ отцу моему. Это и была наша дячиха Ефросинія. Разговорились. Пошло угощеніе; накормили, напоили и подводчиковъ и воловъ; просили и въ другой разъ по пути заѣзжать. Въ слѣдующее лѣто отецъ, идучи въ Одессу съ пшеницей мимо Ганского, зашелъ провѣдать Ефросинію: но нашелъ ее уже въ крестьянской хатѣ, въ горѣ и слезахъ. Оказалось, что и второй мужъ ее умеръ, а какъ онъ былъ изъ крѣпостныхъ, то помѣщикъ засчиталъ и Ефросинію и ея сыновей, теперь уже почти взрослыхъ, въ число своихъ крестьянъ. Взмолилась Ефросинія къ отцу, чтобы не допустилъ ее пропасть на чужбинѣ, а отецъ сказалъ ей:

— Перебидуй до весны. На зиму попродай худобу, скажи, що нычимъ годувать; позбувай и все, що маешь въ хазяйстви,

такъ щобъ нихто не догадувався, а на лито я буду зъ Адесу йти, то зайду за тобою противъ ночи, та й заберу тебе до Поборокъ, якъ колись ты звидтиль помандрувала зъ твоимъ небожчикомъ. А прибудемо до себе, то тамъ побалакаемо зъ громадою, та зробимо твого старшого сына дякомъ, а молодшого паламаремъ; то й будешь ты при ихъ вику доживать.

Ефросинія съ радостью согласилась, въ точности исполнила совѣтъ отца и на слѣдующее лѣто была уже у насъ въ Поборокахъ. Къ тому времени умеръ старый нашъ Гримайло, пономаря жъ и давно у насъ не было; потому громада охотно приняла старшаго Сендерка, Ефима, дьячкомъ, а молодаго Ивана пономаремъ. Такъ-то Сендерки стали моими учителями. Чрезъ нѣсколько лѣтъ оба они вышли во священники, старшій въ село Ставну, а младшій въ село Малую Кропивну.

Ефимъ Сендерко былъ доброй души и веселаго нрава; любилъ съ нами школярами попграться и попѣть не только набожныя, но и мірскія пѣсни. Онъ-то и пріохотилъ насъ ходить на клиросъ. Молодой, здоровый и сильный, онъ умѣлъ при случаѣ постоять за себя и за другихъ.

Тогда великое навожденіе было народу не только отъ пановъ, но и отъ жидовъ. На водку былъ вездѣ откупъ, а откупщики и ихъ прислужники вездѣ были жиды. По селамъ въ корчмахъ такую скверную водку продавали, что пить было не возможно; разбавляли ее на половину водою, заправляли табакомъ, а брали вдвое дороже, чѣмъ за самую лучшую водку. Не возможно было человѣку справить крестины или свадьбу, доставши водки на сторонѣ. Сей часъ пронюхаютъ жидки и явятся во время угощенія, и когда отыщутъ чужую водку, совсѣмъ ограбятъ человѣка. На проводахъ, на храму, на обѣдахъ общественныхъ, и тутъ было явятся жидовскіе сыщики. Принялись наконецъ и за духовныхъ. Вотъ какъ-то на 4-й или 5-й день Пасхи пришли мы въ школу и сидимъ, ожидая своего учителя-дьяка, котораго сосѣди попросили въ гости. Приходитъ въ школу приказчикъ нашего арендаря Маіорки, Хаимъ, съ сотскими и понятыми и спрашиваетъ насъ, гдѣ дьякъ. Мы отвѣчаемъ:

не знаемъ.—Ну, а въ ёго чужа горилка? спрашиваетъ опять Хаимъ и, не дождавшись отвѣта, лѣзетъ къ сундуку, стучитъ сверху и по бокамъ, нюхаетъ крышку сундука. Но какъ хозяина не было дома, то Хаимъ и не рѣшился больше ничего сдѣлать и съ тѣмъ ушелъ. Мы тотъ часъ къ дяку и разсказали, какъ приходилъ Хаимъ «трусить горилки».

— Добре, хлопци, бижить же до корчмы та скажить жидамъ, що дякъ уже дома, говоритъ намъ Сендерко, а самъ, распрощавшись съ сосѣдями, пошелъ домой.

Приходимъ мы отъ корчмы и видимъ, стоитъ нашъ учитель среди школы, рукава засучены, самъ веселый, довольный, а у стола «добрый кіекъ».

Погуляйте тамъ соби на двори, говоритъ намъ, а самъ принялся прибирать что-то въ школѣ. Мы вышли на дворъ. Скоро появился Хаимъ съ сельскою полиціею. Дьякъ встрѣтилъ его въ сѣняхъ и, лишь только тотъ переступилъ порогъ, тотъ часъ захлопнулъ за нимъ дверь на засовку и давай «латать» его дубинкою на всѣ бока. Хаимъ не своимъ голосомъ кричалъ: «гвултъ! ратуйте!» Но никто не спѣшилъ оборонять его: сотскіе и понятые—свои люди только для виду потолкались въ дверь и равнодушно слушали тяжелые удары дьяка и отчаянные крики жида. Сбѣжались люди изъ села, прибѣжала жидова отъ корчмы. Люди потѣшались, жиды голосили: «ой вей миръ! гвултъ!» а дьякъ, втащивъ Хаима въ школу и поваливъ на полъ, билъ его руками и ногами. Вдругъ сѣни растворились и оттуда полетѣлъ, перекувыркнувшись раза три, Хаимъ. Всѣ расхохотались, а разсвирѣпѣвшій дякъ крикнулъ намъ: «бийте жидивъ, женить ихъ до корчмы»! И мы бросились на оторопѣлыхъ жидовъ и погнали ихъ передъ собою, какъ стадо барановъ, сбивая съ нихъ ермолки и патынки, обрывая лапсердаки и бросая въ нихъ, чѣмъ попало.

Прогнавъ жидовъ до корчмы, мы возвращались съ торжествующимъ видомъ къ нашему учителю. Онъ высоко стоялъ въ нашемъ и всѣхъ людей мнѣніи. При насъ пришелъ батюшка и говоритъ, смѣясь, дьячку:

— А це ты, Юхиме, на Амалыка ходивъ?

— А ходивъ, батюшечка, отвѣчаетъ Ефимъ.

— И ребра ему сокрушивъ?

— А сокрушивъ, батюшечка. Богъ мени допомигъ, якъ Давидови на Голіаѳа.

— Гляди, Юхиме, щобъ тоби чого не було, закончилъ батюшка и съ тѣмъ пошелъ.

Ефимъ съѣздилъ къ благочинному и возвратился оттуда веселый.

— А що благочинный? спрашиваютъ его.

— А що жъ? отвѣчаетъ Ефимъ. Питавъ, чи хорошенько побивъ.—Здаетьця, кажу, рукъ не жаливъ.—То-то, говоритъ, надо бы еще лучше, а самъ сміетьця.

Тѣмъ и кончилась вся эта исторія. Скажу больше: жидки присмирѣли и не смѣли уже являться для обысковъ, по крайней мѣрѣ во время общественныхъ обѣдовъ въ поминальные дни и въ храмовый праздникъ. Самъ спѣсивый Маіорко приходилъ къ дяку Ефиму просить прощенія за своего повѣреннаго и принесъ въ подарокъ два гарнца водки, которые дякъ передалъ бывшимъ при той оказіи людямъ. Миръ былъ заключенъ; но жиды продолжали поить народъ одурманенною водкою и сосать съ него кровь. Кто захотѣлъ бы строго судить дяка Ефима за его жестокую расправу съ жидами, тому слѣдовало бы знать, какъ нахальны и безчеловѣчны были жиды съ тѣмъ, у кого находили хоть рюмку не ихней откупной водки. Расправа Ефима, конечно, дикая; но онъ поступалъ только по жидовскому закону: око за око и зубъ за зубъ, а жиды, кромѣ того, что били, еще грабили и обманывали.

Съ дѣтства не зналъ я праздности и съ самыхъ раннихъ лѣтъ, по мѣрѣ возраста и силы, исполнялъ всѣ хозяйственныя работы, домашнія и полевыя. Сперва я пасъ гусенятъ, поросятъ и ягнятъ, потомъ отецъ сталъ брать меня въ помощь себѣ до плуга, или до рала, посылать въ поле съ волами на пастьбу и употреблять на всякую не трудную работу, а лѣтъ съ 13-ти посылалъ меня и на панщину. Работа для своего хозяйства,

дома или въ полѣ, никогда не тяготила меня; напротивъ, переночевать напр. съ волами гдѣ нибудь въ балкѣ, или подъ лѣсомъ, въ звѣздную либо лунную ночь и пригонять по утренней росѣ домой воловъ съ восходомъ солнца составляло для меня величайшее наслажденіе. Иное дѣло работа на панщинѣ, весь день безъ отдыха, когда солнце прожигаетъ тебя насквозь, а надъ шсей у тебя торчитъ экономъ или писарь, асаулъ или синака, то и дѣло понукая къ работѣ бранью, палкою или кнутомъ. Однажды пришлось мнѣ возить панское жито съ поля и подавать снопы на скирду. Скирда высокая, снопы тяжелые: поднимаешь снопъ, руки и ноги дрожатъ, въ глазахъ потемнѣетъ. Снопъ за снопомъ, жара нестерпимая, выбился я изъ силъ. Размахнулся еще однимъ снопомъ, чтобъ выбросить его вверхъ на скирду, вилы повернулись въ рукахъ, снопъ съѣхалъ на рогъ, расчахнулъ вилы и грохнулся на землю такъ, что зерно посыпалось вокругъ. Вдругъ какъ потянетъ меня писарь «пугою» сзади черезъ плечо и самымъ концемъ по мокрой отъ поту груди, —я такъ и шарахнулся съ воза. Подняли меня, едва водою отлили. Идти я уже не могъ и меня отвезли домой. Вся грудь мнѣ распухла, со мною сдѣлалась горячка и я пролежалъ около двухъ недѣль. Мнѣ было тогда лѣтъ 15-ть, и это было первое крещеніе панскимъ нагаемъ.

Къ счастію, отецъ мой былъ зажиточный человѣкъ, держалъ наймита, который большею частію выручалъ меня и его въ отбываніи панщины, пока я не выросъ и не сталъ самъ хозяиномъ.

Имѣя чѣмъ выручиться дома, отецъ мой въ лѣтнее и осеннее время предавался любимому своему занятію—*чумачкѣ*, доставляя на собственныхъ волахъ въ Одессу большею частію чужую, а иногда и свою пшеницу, а на обратномъ пути подряжаясь перевозить другія тяжести въ ближайшіе къ главной дорогѣ пункты, или привозя за собственныя деньги соль или рыбу для продажи по ярмаркамъ. Еще 7-ми лѣтъ отецъ въ первый разъ взялъ меня съ собою въ такую далекую дорогу, а когда я подросъ, посылалъ меня съ другими и такъ пріохотилъ меня къ

этому дѣлу, что я 25 разъ сходилъ въ Одессу съ пшеницей, а однажды доставлялъ въ Николаевъ дубы для кораблей. Ничего пріятнѣе и представить я себѣ не могу, какъ это путешествіе въ теченіи пяти, шести, иногда и больше недѣль, особливо въ лѣтнюю пору.

Ѣздили чумаки валкою, возовъ 50—60, иногда и больше. Херсонская губернія, по которой пролегала большая часть нашего пути, была тогда еще очень мало заселена. Цѣлые дни бывало идемъ и не встрѣтимъ души живой; въ рѣдкій день встрѣтимъ на пути какой либо хуторъ или село въ сторонѣ отъ дороги. Выступали мы послѣ ночлега съ утренней зарей Взойдетъ солнце и освѣтитъ намъ путь. Кругомъ все степь: куда ни глянешь, конца ей не видно; широкая, ровная, чуть-чуть подымается мѣстами; вездѣ густыя, высокія травы, а въ нихъ безъ числа всякихъ цвѣтовъ; солнце блеститъ на нихъ такъ, что глаза слѣпитъ. Одно слово: море при восходѣ солнца. А вдоль этого зеленаго безбрежнаго моря черной лентой чуть замѣтно вьется ровная, твердая дорога. Валка растянется чуть не на полверсты. Волы идутъ «вольною ступою», покачивая крутorогими головами. Прочные, свѣже подмазанные возы широкими ободьями чуть замѣтно катятся по широкой дорогѣ. Ни скрипу, ни стуку. Широко шагаетъ передній чумакъ, помахивая безъ нужды батогомъ, *вартовники*, сторожившіе всю ночь воловъ, хранятъ, растянувшись на возахъ; молчаливо, задумчиво идутъ старики, каждый около своихъ воловъ, молодые весело поглядываютъ вверхъ и по сторонамъ, иной пѣсню затянетъ, другой достаетъ длиннымъ батогомъ перебѣгающаго черезъ дорогу овражка, тотъ окликаетъ своихъ крутorогихъ. Копошится и жужжитъ въ травѣ насѣкомая тварь, весело порхаютъ и поютъ птички надъ головой. Всякое дыханіе хвалитъ Господа по своему. Въ воздухѣ благодать, въ душѣ истинный рай. Невольно припоминаешь слова псалтири: *Изыдетъ человѣкъ на дѣло и на дѣланіе свое до вечера. Господи, вся премудростію Твоею сотворилъ еси!*

Подобьется солнце къ полудню, попристанутъ волы; пора кашу варить. Спустимся гдѣ либо въ балку, готовая паша и

водопой; тогда еще рѣдко гдѣ платили за это. Достаемъ щепки изъ воза, запасецъ дровъ или кизяку, разставляемъ треногъ, нацѣпляемъ котелокъ. Тутъ, какъ въ семьѣ, всякій знаетъ свою работу. Часъ-другой и каша готова. Кто не ѣдалъ каши въ степи послѣ нѣсколькихъ часовъ утренней ходьбы, тотъ не испыталъ настоящаго аппетита и чувства удовольствія отъ пищи.

Въ жаркіе дни привалъ длится часа четыре и мы отдыхаемъ въ тѣни возовъ; въ дни пасмурные и прохладные снимаемся раннѣе, дѣлаемъ еще одинъ короткій привалъ, а съ заходомъ солнца останавливаемся на ночлегъ, гдѣ поближе кормъ и водопой. Вечеромъ большею частію варили галушки. За «вечерей» шли веселые разсказы, раздавались шутки, прибаутки. Иногда кто нибудь наигрывалъ на «сопилку», молодежь пускалась въ плясъ, пѣла пѣсни, особливо, если удавалось гдѣ либо запастись и подкрѣпиться водкой. Но случалось это больше на обратномъ пути, когда чумаки получали деньги за провозъ.

Такъ тянулись дни и недѣли. Дневные привалы смѣнялись ночлегами, какъ каша галушками и галушки кашей. Казалось, конца нѣтъ степи и дорогѣ; а все таки придемъ наконецъ въ Одессу и домой возвращаемся.

Въ дорогѣ, въ компаніи чумаковъ, соблюдался самый строгій порядокъ. Въ самомъ началѣ пути сошедшіеся изъ разныхъ селъ чумаки избирали себѣ атамана, который и распоряжался всѣмъ въ дорогѣ, по чумацкому обычаю, съ общаго совѣта и согласія въ случаяхъ неожиданныхъ и болѣе важныхъ. По его командѣ снимались съ привала и останавливались на новый. Онъ велъ всѣ дорожные расходы и счеты, назначалъ по очереди «вартовниковъ», мирилъ ссорящихся, удерживалъ отъ буйства и дракъ, а тѣмъ болѣе отъ обидъ кому либо изъ встрѣчающихся въ дорогѣ и на ночлегахъ, журилъ неисправныхъ и сонливыхъ, во всѣхъ дорожныхъ приключеніяхъ, а особливо при сдачѣ груза и разсчетѣ говорилъ и дѣйствовалъ отъ имени всѣхъ. Мнѣ не было еще 18 лѣтъ, какъ меня выбрали однажды атаманомъ, и этимъ я обязанъ главнымъ образомъ тому, что умѣлъ читать и писать. «Вартовники» назначались не только для воловъ,

но и для возовъ. Все пропавшее по ихъ прямой винѣ взыскивалось съ нихъ; въ чемъ вина ихъ не могла быть доказана, то вознаграждалось на общій счетъ. Всякое несчастье съ кѣмъ либо изъ чумаковъ, а особливо болѣзнь, считалось общимъ всей валки горемъ и всѣ старались помочь впавшему въ бѣду; за то обидѣвшихъ кого либо, а особливо уличенныхъ въ кражѣ, били нещадно батогами, по общему приговору.

Въ воскресенье, въ праздникъ чумакъ ни за что не тронется въ дорогу, но даетъ въ эти дни покой себѣ и скотинѣ. По дорогѣ попадались церкви—наши, румынскія и болгарскія. Оставимъ было вартовниковъ при волахъ и возахъ, а сами идемъ въ церковь. Я, какъ умѣлъ читать и пѣть, еще малымъ будучи, становился на клиросъ и пѣлъ даже въ румынскихъ церквахъ, хотя одно только «*Домине милоэшти*». Народъ вездѣ почти былъ зажиточный и гостепріимный: завидятъ чумаковъ и разбираютъ изъ церкви по хатамъ на обѣдъ. Мнѣ, какъ помогавшему на клиросѣ, доставалась найбольшая честь и угощеніе; скорѣе всего запроситъ къ себѣ дьячекъ, а иногда и священникъ; напоятъ, накормятъ, еще и на дорогу чего нибудь съѣстнаго дадутъ. Такъ-то угостили меня съ отцемъ въ Ганскомъ, гдѣ я пѣлъ съ сыновьями управляющаго Сендерка, не зная, что придется быть у нихъ школяромъ. А то разъ выпало мнѣ заступить какъ бы священника и дьячка вмѣстѣ. Приходимъ мы въ слободку Кошкову, имѣніе Потоцкаго. Вдругъ на встрѣчу намъ люди.

— Чи не ма у васъ, спрашиваютъ, письменного. У насъ померъ багатый старый чоловикъ, а никому псалтырь почитать.

— Есть, отвѣчаемъ мы. Щобъ то мы за чумаки, щобъ межъ нами письменного не було.

— То становитьця, будьте ласкави, до насъ на ночлигъ; все одно вечиръ заходыть. Выпрягайте волы, нехай пасуться зъ нашими, а вы йдить до насъ уси на вечерю, а той нехай псалтырь чита.

Мы охотно согласились, ибо не только день кончался, но небо заволокло тучами. Два дня шелъ дождь; два дня читалъ я псалтырь. Звали насъ обѣдать и вечерять; волы поправились

и мы подкрѣпились и отъ непогоды укрылись. На третій день пришлось хоронить. Мнѣ подали святую воду и кропило изъ васильковъ; я окропилъ гробъ и покойника. Тѣло вложили въ гробъ и понесли до могилы, а я всю дорогу пѣлъ: *Святый Боже*. Надъ могилой сговорили всѣ: *Отче нашъ*, а я сказалъ и пропѣлъ *вѣчную память*. Такъ похоронили безъ священника, котораго и за 100 верстъ нельзя было достать. Такъ и чумаковъ хоронили, а случалось, что чумакъ чумаку въ степи передъ смертью исповѣдывался, а тотъ, придя домой, передавалъ исповѣдь священнику. Нужда законъ измѣняетъ. Такъ и съ нами теперь было. Похоронили, а потомъ зазвали насъ на обѣдъ, угощали щиро, еще и сѣна на возы наклали намъ много.

Но не всегда чумаковъ ждали одни пріятности въ дорогѣ и не всякому чумаку бывала удача въ его дѣлахъ. Кому неизвѣстна пѣсня:

Ой ходивъ чумакъ симъ рикъ по Дону,
Та не було пригодоньки николи ёму.

Или кто не слышалъ другой:

А вже чумакъ та й дочумаковався,
Нема свиты, кожухъ обидрався.

Нельзя по одному лѣтнему походу судить о пріятности другаго такого же похода; нельзя по одному удачному обороту заключать о доходности вообще чумацкаго дѣла. Случаются съ чумаками всякія несчастья въ дорогѣ; случаются съ ними крупныя неудачи, разрушающія иногда всю ихъ жизнь. «Нихто такъ усердно, говорили у насъ, Богу не молится, якъ матросъ на морѣ, а чумакъ въ дорози». Самый тяжкій бичъ для чумака —это знойное лѣто. Выгоритъ трава, засуха страшная, умалится и водопой, негдѣ накормить и напоить скотинку. Стоитъ жара невыносимая, по дорогѣ пыль столбомъ; волы задыхаются и млѣютъ, отъ поту изъ сѣрыхъ становятся черными; не рѣдко останавливаются, тяжко поводятъ боками, слезы каплютъ изъ глазъ. Въ нѣсколько дней скотина теряетъ тѣло и силу; не можетъ ѣсть, не хочетъ пить. Лежатъ волы, лежимъ и

мы, какъ мертвецы, у возовъ. А коли издохъ волъ у чумака, пропалъ весь его лѣтній заработокъ. Въ иное лѣто вмѣсто засухи льетъ дождь по цѣлымъ недѣлямъ. Новая бѣда для чумака: раскиснетъ дорога, позамокаютъ возы, попрѣютъ шеи у воловъ, стоимъ по цѣлымъ днямъ, время и деньги теряемъ; а каково намъ цѣлыя недѣли на дождѣ и холодѣ пробыть, о томъ не говорю. Чумаковъ въ собственною кладью, съ пшеницей въ Одессу и съ солью изъ Крыму, немного; большею частью это извощики. Подрядятся съ зимы или ранней весны въ извозъ и деньги впередъ заберутъ; а при неудавшейся дорогѣ приходится послѣднее продавать, чтобъ выполнить подрядъ и пополнить убытки.

Бывали и другіе приключенія въ дорогѣ. Въ херсонскихъ степяхъ жило тогда хуторами не мало волоховъ, оставшихся отъ перваго заселенія тѣхъ мѣстъ; теперь ихъ и слѣда уже нѣтъ. Немилосердые то люди были и промышляли надъ нашимъ братомъ чумакомъ за потраву будто ихъ посѣвовъ и сѣнокосовъ. Вотъ какой случай былъ съ нами.

Проѣхали мы село Жеребково, ананьевскаго уѣзда, вышли въ степь, выбрали догодное мѣсто и такъ въ обѣдъ остановились попасать. Повыпрягали воловъ; волы пасутся, а мы кашу варимъ. Откуда ни возьмись волохъ на лошади верхомъ. Подъѣхалъ къ воламъ, отбилъ изъ гурта одного вола и погналъ передъ собою. Мы повылазили на возы и смотримъ, куда онъ погонитъ. Видимъ, за горбкомъ въ балкѣ труба отъ хатъ показалась, значить хуторъ; туда и погналъ волохъ вола и все немилосердно бьетъ его арапникомъ. Отрядили мы троихъ товарищей выручать вола. Приходятъ они къ тому хутору; видятъ, богатые люди живутъ: хаты порядочныя, огороды хорошіе, много хлѣба, скота, работниковъ. Только стали въ балку спускаться, а на встрѣчу имъ два волоха, отецъ и сынъ,—тотъ самый, что вола угналъ. Кланяются имъ наши, просятъ вола отдать, а тѣ какъ накинутся на нихъ:

— А мой чумакъ арнавутъ пасъ, сякой такой сынъ, польщакъ..., кричать оба волохи, траву рвутъ и со злостію броса-

ютъ нашимъ въ глаза, давая тѣмъ знать, что наши волы попортили ихъ пшеницу арнаутку.

Наши кланялись, просили, ничто не помогаетъ: волохи ругаются и безъ выкупа вола не отдаютъ, а выкупа требуютъ 20 руб. Бились наши до вечера, за совѣтомъ къ намъ приходили и опять къ волохамъ ходили, упрашивали ихъ всячески, кланялись до земли, руки и ноги цѣловали, но ничего не успѣли. Только на другой день богатые волохи выпустили вола, взявъ выкупу вмѣсто 20 руб. только 20 коп. А волъ все время стоялъ голодный, не ѣвши, не пивши. Пригнали его чуть живаго. Надо было опять стоять, чтобы подкрѣпить вола. Не столько уже намъ вола и денегъ жаль было, сколько безчестія, которое приняли наши отъ волоховъ. По свойственной человѣку склонности къ мщенію рѣшились мы наказать волоховъ.

Стоимъ мы; кашу сварили и сѣли обѣдать. Смотримъ, а волохъ изъ-за могилы верхомъ опять ѣдетъ къ намъ. Побоялись мы, что опять вола отобьетъ, и давай скорѣе воловъ запрягать. Но видимъ, волохъ за полверсты отъ насъ повернулъ въ бокъ и поѣхалъ къ Жеребковой.

— Дивитьця, хлопци, кричитъ одинъ изъ нашихъ; въ ёго кульбаки коло сидла; тамъ у трокахъ въ ёго баклажки, гбо барильця, и то напевне винъ йде по дешеву до Жеребковои.

Присмотрѣлись, такъ и есть. Рѣшили мы выждать волоха и отплатить ему за обиду. Проѣхали нѣсколько впередъ и остановились. Вызвалось пять охотниковъ на волоха, а въ числѣ ихъ сторожъ церковный Исаакъ, ростомъ въ сажень. Пошли они на перерѣзъ волоху; четверо спрятались въ кустахъ, а Исаакъ пошелъ къ сапавшимъ невдалекѣ баштанъ. Заговорился съ ними, какъ тутъ и волохъ. Исаакъ къ нему и спрашиваетъ, не видѣлъ ли онъ еще одного нашего вола. Хитрость удалась; волохъ остановился. Тогда Исаакъ схватилъ лошадь за поводья, свиснулъ на своихъ, а волоха въ мигъ стащилъ съ коня Прибѣжали наши, забрали водку и лошадь, а волоха пустили. Усѣлись мы и пьемъ водку, какъ бѣгутъ волохи лошадь выручать. Отплатили же мы имъ: потребовали съ нихъ 50 р., грозя иначе до-

ставить корчемную водку въ контору откупщика. Накланялись и намъ волохи, а кончили мы тѣмъ, что взяли съ нихъ 8 руб. и 4 изъ нихъ отдали въ Ананьевѣ на церковь, а на 4 купили рыбы до каши.

— Не по христіански мы поступили, говорю я потомъ товарищамъ.

— Може воно й такъ, отвѣчали они; а все жъ таки на другій разъ волохамъ осторога буде.

Но осторога для однихъ не остановила другихъ, худшихъ людей, и въ слѣдующемъ году мы чуть было не лишились въ другомъ уже мѣстѣ пары воловъ. Шли мы въ обратный путь изъ Одессы и шли «порожнемъ», безъ клади. Было уже послѣ Покрова; время позднее, холодное; негдѣ покормить воловъ, развѣ попоить. Говорили тогда, что по дорогѣ грабятъ, разбиваютъ, убиваютъ, да мы на то не смотрѣли. Прошли уже верстъ сто, съ лишнимъ даже. Спустились въ одномъ мѣстѣ въ балку; видимъ, трава при дорогѣ такая, хоть коси. Остановились мы, пустили на пашу воловъ, повечеряли и спать легли. Небо звѣздное, ясное, все видно. «Вартовники» ходятъ окола воловъ. Вдругъ видитъ одинъ, двое разбойниковъ съ топорами въ рукахъ выползли изъ обрыва, отбили пару найлучшихъ воловъ и погнали. Вартовникъ испугался, шепнулъ товарищу, а тотъ скорѣе къ намъ. Погнались мы гуртомъ, скоро догнали и оцѣпили воровъ. Кричимъ: «сдавайтесь»! А они съ топорами противъ насъ: «хто, говорятъ, подступить, тильки вже хлиба ûвъ».—«Намъ и пидступать не треба, отвѣчаемъ имъ; стійте оттакъ, поки сьвитъ, а тоди мы вамъ дамо рады». Грызлись они съ нами, бросались на насъ, а мы на нихъ, наконецъ сдались. Скрутили мы имъ руки назадъ и повели до валки на судъ. Стали судить. Одни говорятъ: «зъ якои обрывы вылизлы, туда ихъ сторчь головами», другіе говорятъ: «батогами ихъ обчухрать, по чумацькому звычаю», третьи говорятъ: «привяжемо до возивъ на ничъ, а раненько до станового приставимъ».—«Э, говорю (а я въ тотъ разъ атаманомъ былъ), браття; въ прирву кинемъ, души загубимъ; пидъ батоги визьмемъ, часомъ не уважимъ, а до стано-

вого—одна тяганина». Не слушаютъ, спорятъ; кто на батоги приставалъ, и тѣ кричатъ: «убить ихъ въ смерть». А воры лазятъ у насъ въ ногахъ, плачутъ, молятъ. Спорило еще товарищество, а потомъ видятъ, что до ладу дайти не можно, говорятъ: «ну, якъ панъ отаманъ розсудыть, на те й пристанемъ».

— А коли такъ, говорю, то отъ якъ буде.

Всѣ притихли. Я досталъ чистый ручникъ, положилъ его на *війя*, а на немъ хлѣбъ и сверху дрибочокъ соли и говорю ворамъ: «нехай васъ Богъ та хлибъ и силь побьютъ, а мы васъ бить, а ни вбивать не будемъ. Идить себи, звиткиль взялись». И развязалъ имъ скрученныя назадъ руки.

Воры пали предъ нами на колѣни, цѣловали у всѣхъ руки и ноги, горько каялись въ своихъ грабежахъ и убійствахъ, клялись впредь пальцемъ никого не тронуть. Всѣ радовались, а у кого и слезы на очи выступили.

— Господи! подумалъ я: какая-же то радость на небѣ бываетъ, когда Богъ грѣшника проститъ!

На сей разъ мы только страхомъ отдѣлались, а съ другими чумаками и не то бывало. Не говорю: воловъ украдутъ,—стой тогда валка!—а то ограбятъ еще и убьютъ. Въ степяхъ херсонскихъ было тогда еще много бродягъ, воровъ и разбойниковъ. Въ темную ночь подкрадутся къ возамъ, отобьютъ сундучокъ съ деньгами и уйдутъ. А случалось, диемъ верхами налетятъ, захватятъ свиту, кожухъ или торбу съ саломъ либо пшеномъ и драла. Ищи вѣтра въ полѣ!

Когда наконецъ прибудемъ бывало въ Одессу, какъ камень съ плечей свалимъ. Но тутъ новая бѣда отъ жидовъ, безъ которыхъ никакого товару ни продать, ни сдать нельзя. Станемъ пшеницу ссыпать, разсчетъ брать, жидъ непремѣнно какого нибудь фагля выкинетъ, чтобы обмануть и обсчитать. Говорили у насъ: жидъ и хлѣба въ ротъ не возьметъ, пока не обманетъ кого. Выпала рааъ и на мою долю такая штука, да Богъ помогъ мнѣ одолѣть жидовъ.

Было это въ 1839 году. Мнѣ тогда было уже 19 лѣтъ. Привозимъ мы пшеницу въ Одессу какому-то купцу Хаиму. Ну,

извѣстно, купца не скоро у видишь. Обступили насъ приказчики, все жиды, гергочуть по своему, кто ихъ тамъ разберетъ. Сказали къ амбару подъѣзжать, мѣшки на гору, на 2-й этажъ носить. Оставалось на моемъ возу еще два мѣшка, когда одинъ изъ послѣднихъ я понесъ по лѣстницѣ вверхъ. Какъ рааъ въ это время волы мои, отъ мухъ ли, или отъ чего другаго, перешли на другую сторону улицы, а на мѣсто моего воза сталъ другой. Замѣтили это жиды и подняли гвалтъ:

— А, злодіи, пшеницу сховали!

— Хиба, говорю, тоби повылазили, не бачишь, що волы зъ миста рушили, поки я вернусь.

— Добре рушили! самъ нагнавъ, а може кого напрохавъ... Обманщики, злодіи! кричатъ жиды и добавляютъ, что можетъ быть уже не одинъ возъ съ мѣшками отъѣхалъ.

— Та же ты, нависный жиде, на миру прыймаешь, а не на мишки: ну, то миряй! говорю я ему.

Но нѣтъ, слушать не хотятъ жиды и все кричать: «злодіи, пшеныцю покрали». Уже перемѣрили, сосчитали, на четверть, больше вышло, а они все свое. Пошли мы къ купцу за деньгами и квитанціею, прикащики насъ не допустили. Деньги мы, правда, часть впередъ взяли; но тутъ по уговору намъ слѣдовало по 1 рублю съ воза, а всего 40 рублей; безъ квитанціи жъ мы не могли дома остальныхъ денегъ получить.

Вернулись мы къ своимъ возамъ и не знаемъ, что дѣлать. Сижу я и грызу сухарь; идетъ бѣдный человѣкъ и проситъ хлѣба. Я далъ ему сухарей и спрашиваю, кому намъ на жидовъ жаловаться, разсказываю, какъ насъ жиды обидѣли.

— Въ часть, говоритъ, идить.

— А часть, спрашиваю, за нами потягне, чи за купцемъ?

— А за купцемъ.

— А дежъ намъ правды шукать?

— До полиціи йдить.

— А полиція за нами постоить?

— Ни, и полиція за купцемъ; бо купци полиціи гостынци на праздныки посылають и такъ хабаря дають.

Лиха наша година, думаю себѣ; а впрочемъ что Богъ дастъ. Подбиваю двухъ стариковъ въ полицію съ жалобою идти.

— Побый ихъ сила Божа тыхъ жидивъ! Ще засудять насъ, отвѣчаютъ старики, а потомъ согласились.

Пришли мы въ полицію, жалуемся полицмейстеру; такъ и такъ, говоримъ.

— Ваше, говоримъ, благородіе! Змилуйтесь надъ нами бѣдными чумаками: обѣдивъ насъ купець на вики.

— Постойте, говоритъ онъ, распросивши насъ и записавши наши фамиліи. Пошелъ въ другую комнату, позвалъ какого-то писаря и скоро выслалъ къ намъ присяжнаго—солдата съ бумагою.

Вышли мы съ присяжнымъ на улицу, а онъ такой веселый, отошелъ немного и говоритъ намъ:

— Эхъ, вы чумачки, не будьте дурачки. Вотъ повѣстка до купца, чтобы шелъ въ полицію на расправу. Купецъ не пойдетъ; ему стыдно въ полиціи съ чумаками судиться; онъ будетъ говорить: я имъ давалъ старые карбованцы, а они не захотѣли брать, требовали новыхъ. Я буду бранить васъ, кричать на васъ; но вы ничего не говорите. Купецъ деньги отдастъ, а вы мнѣ око вина купите. Хорошо?

— Добре, говоримъ, купимо; а сами думаемъ: отъ такъ штука!

Приходимъ къ купцу. Присяжный пошелъ къ нему въ комнаты, а насъ прикащики не пустили, еще «злодіями» называли насъ и ругали. Выходитъ присяжный, а за нимъ купецъ. Присяжный на насъ съ кулаками:

— Ахъ, вы сякіе такіе, вамъ деньги даютъ, а вы не хотите брать, да еще жалуетесь.

— Какихъ же имъ еще денегъ нужно? говоритъ купецъ, бросая на столъ старые елисаветинскіе рубли. Сдается мнѣ, что эти старые лучше еще, какъ новые. Я давалъ имъ, а они... извѣстно, мужикъ.

Дивуемся мы. Я таки не вытерпѣлъ: дававъ, говорю, т зъ кишени не выймавъ.

А присяжный на меня какъ крикнетъ:

— Получай деньги и убирайся, а то я тебя расколочу.

Мы скорѣе деньги со стола, да въ двери. Вышли на улицу, пересчитали: 40 рублей старыми карбованцами. Радуемся мы и опять говоримъ: отъ такъ штука! Какъ догоняетъ насъ, не скоро, правда, присяжный, тычетъ въ руки квитанцію и говоритъ: — Ну, спасибо вамъ чумаки. Около васъ и я поживился,—и показываетъ намъ десятирублевую ассигнацію, что получилъ отъ купца.—Ну, говоритъ; теперь могорычъ: уговоръ паче денегъ.

Купили мы ему око вина; купилъ и намъ онъ око-жъ вина. Съ тѣмъ и попрощались.

— А що? говоритъ одинъ изъ нашихъ. Хотивъ купець выдры, такъ самъ ледви выдерся!

Занятый нѣсколько лѣтъ подъ рядъ чумачкою, проводя все почти лѣто и осень въ далекихъ дорогахъ, думая только о томъ, какъ бы благополучно совершить путь и возвратиться съ заработкомъ, я никогда не приходилъ къ мысли о женитьбѣ, да и не представлялось мнѣ повода и случая къ избранію себѣ подруги жизни. Вдали, могу сказать, отъ жизни, ея утѣхъ и соблазновъ воспитали меня мои родители; не зналъ я ни «улыци», ни «вечерныць», ни другихъ сельскихъ собраній, гдѣ сходятся и сближаются молодые люди обоего пола, и родители сами должны были напомнить мнѣ о женитьбѣ, когда мнѣ минулъ 22-й годъ. Въ крестьянскомъ быту не рѣдкость и то, что отецъ самъ указываетъ сыну невѣсту; такъ случилось это и со мною. Посылалъ меня отецъ вмѣстѣ съ сватами къ одному крестьянину въ сосѣднее село Метановку «на оглядины». Говорили тутъ за меня сваты, но ничего изъ того не вышло. Отецъ рѣшился самъ ѣхать со мною въ Метановку, но въ сельскомъ быту считается за стыдъ для всѣхъ сельчанъ, если кто не находитъ на мѣстѣ невѣсты и ищетъ ее на сторонѣ и потому сосѣди наши отсовѣтовали отцу моему задуманную имъ поѣздку и указали невѣсту для меня у крестьянина нашего села, Софрона Гонорука, на которой, послѣ обычныхъ обрядовъ сватовства, и женили меня. Случилось это въ 1843 году послѣ свѣтлыхъ праздниковъ.

Жену мою звали Агафьей; была она очень добрая, благонравная и вмѣстѣ съ тѣмъ проворная и пригожая женщина, Когда она шла за меня, ей едва исполнилось 16 лѣтъ. Любовь должна была прійти съ супружествомъ, и она дѣйствительно пришла, но не на долго. Еще во время нашей свадьбы одинъ юродствовавшій сродникъ моей жены, по имени Лаврентій Криворукій, предсказывалъ намъ, что мы проживемъ вмѣстѣ не болѣе шести лѣтъ и что чрезъ 6 лѣтъ моя Агафія умретъ. Другой родственникъ съ моей стороны, слѣпой 70-ти лѣтній старикъ предсказывалъ намъ тоже самое. «Отъ», говорилъ онъ, «въ яку гарну пару сдруживъ васъ Богъ, та не довго будете вы вкупи жити, скоро васъ Господь роспаруе». Ужасно было для насъ такое предсказаніе въ самый день свадьбы, и какъ ни странно, но это дѣйствительно сбылось. Напуганные имъ, мы не могли отвязаться отъ мысли, что намъ не долго жить вмѣстѣ и это наложило особую печать на нашу супружескую жизнь. Уже на 5-й день послѣ свадьбы, когда моя жена отправлялась въ Кіевъ на богомолье и поклоненіе мощамъ св. угодниковъ Божіихъ, мнѣ невольно пришло на мысль: а что если, не дай Богъ, жена моя заболѣетъ и умретъ въ дорогѣ, или въ Кіевѣ! Невольный страхъ охватилъ меня; но я тогда же подумалъ, что не женился бы ни за что въ другой разъ, а посвятилъ бы себя на служеніе Богу. Въ свою очередь жена, не смотря на молодость, полную силъ и здоровья, не рѣдко поддавалась грусти, навѣваемой ужаснымъ предсказаніемъ, и только ежедневная злоба дня и хлопоты, неизбѣжныя при вступленіи въ новую жизнь, мало по малу отгоняли отъ насъ мысль объ ожидавшемъ насъ несчастьи.

Жили мы сначала не отдѣльнымъ хозяйствомъ, но вмѣстѣ съ моими родителями, и никогда не возникало у насъ никакого несогласія. Жена скоро привязалась ко мнѣ, какъ и я къ ней, и жили мы съ нею въ полной любви и согласіи. При совмѣстномъ хозяйствѣ съ родителями и щедрой помощи моего тестя не терпѣли мы ни въ чемъ недостатка. Умѣлъ я довольно искусно владѣть топоромъ: дѣлалъ самъ плуги, рала, бороны, колеса, ульи, учился гнуть ободья, не безъ успѣха занимался бондар-

ствомъ, шилъ, когда было нужно, сапоги и отчасти не дурно ткалъ полотна на ткацкомъ станкѣ, выучившись этому ремеслу отъ отца. Много помогало все это въ хозяйствѣ и пріумножало наши достатки. Только и несчастія испыталъ я за первые года супружества, что злые люди украли у меня пару лошадей, и мнѣ пришлось, отыскивая ихъ, побывать въ Жашковѣ и Бердичевѣ, извѣстныхъ издавна своими «злодійскими» ярмарками, и въ компаніяхъ разныхъ конокрадовъ. Много потратилъ я на это времени и денегъ; но когда, по совѣту добрыхъ людей, заказалъ три обѣдни въ трехъ сосѣднихъ церквахъ, лошади какимъ-то чудомъ нашлись и я невольно воскликнулъ: *по вѣрѣ вашей будетъ вамъ*!

Благословилъ насъ Богъ и дѣтьми, сыномъ и дочерью. На здоровьѣ мы не терпѣли, въ хлѣбѣ и одежѣ не нуждались, панщину отбывали больше работникомъ. Казалось бы жить да Бога хвалить; но не тутъ-то было. И Господь сказалъ: *егда рѣчете: миръ и утвержденіе, тогда внезапу найдетъ на вы день той*, день несчастій. Такъ случилось и съ нами.

Началось съ того, что отецъ мой, видя умноженіе моей семьи, захотѣлъ отдѣлить насъ и самъ заложилъ для насъ новую хату съ отдѣльной усадьбой и полемъ. Надѣлилъ онъ насъ правда всѣмъ для хозяйства; но теперь пришлось уже самому обо всемъ думать, когда доселѣ мы жили у него, по пословицѣ, «якъ у Бога за дверьми». Мало того: ставъ самостоятельнымъ хозяиномъ, я сталъ отвѣтственнымъ за вее передъ паномъ и громадой, а это и повлекло за собою всѣ почти послѣдующія мои несчастья.

Было у насъ въ селѣ двѣ власти: своя громадская и ненавистная панская. Первой надо было слушаться, второй бояться и все равно исполнять, что потребуетъ та или другая.

Памятуя мою чумачку и мое въ ней атаманство, а болѣе потому, можетъ быть, что я былъ грамотный, громада выбрала меня сборщикомъ «подушнаго» и другихъ налоговъ. Господи, что это за пытка требовать деньги у человѣка, когда знаешь, что ихъ у него нѣтъ, ходить къ нему по 10 разъ, напоминать,

приставать, требовать. грозить, браниться и выслушивать брань, забирать одежу, выставлять окна и двери, выламывать печь, какъ это дѣлали всѣ почти сборщики!... Ни на какія «здирства» у меня духу не хватало, а громадскую повинность надо было отбыть точно, аккуратно, и вотъ я, на первыхъ порахъ моего хозяйничанья, долженъ былъ приплатиться не однимъ десяткомъ рублей изъ собственнаго кармана.

Послужилъ я громадѣ, потратился для нея; но за то заслужилъ у нея доброе мнѣніе и расположеніе, и она не разъ выручала меня изъ бѣды.

Не такъ было справляться передъ панами. Натерпѣлся я отъ нихъ столько, что и теперь въ старости не могу вспомнить о томъ равнодушно. Село Поборки, какъ сказано мною выше, принадлежало графинѣ А. С. Потоцкой, но вмѣстѣ съ другими сосѣдними селами оно сдавалось въ поссесію. Была значительная разница въ пооложеніи крестьянъ тѣхъ селъ, въ которыхъ жили сами помѣщики или ихъ управляющіе, и тѣхъ, которыя сдавались въ аренду. Поссесія прибавляла намъ новую власть, кромѣ помѣщичьей, и новую тяжесть въ работахъ и разныхъ сборахъ, такъ какъ поссесоръ долженъ былъ арендную плату выработать и для себя заработать, а за все отвѣчалъ одинъ и тотъ же мужикъ. Съ другой стороны не даромъ пословица говоритъ: «не такъ паны, якъ підпанки». Если и можно было еще бѣдному мужику искать милости и правды, то развѣ у большихъ пановъ, всѣ же эти поссесоры, экономы, надсмотрщики и писаря были прямыми тиранами нашими. Тяжкое иго была панщина. Говорилъ я объ ней выше и еще скажу. Хотя и было такое положеніе, что три дня въ недѣлю человѣкъ работаетъ на пана, а три дня на себя, но это такъ развѣ на бумагѣ, а на самомъ дѣлѣ мы были въ полной власти у пановъ: сколько скажутъ, столько и работай и куда прикажутъ, туда и иди. Въ жнива, въ косовицу заберутъ всѣхъ, такъ что и хаты не на кого покинуть, и дѣтей надо съ собою въ поле забирать. Но что всего хуже—это сѣченіе и побои. Чуть что не такъ, или не по нраву пану, сейчасъ въ зубы, въ спину, по шеѣ, по щекамъ и головѣ кулакомъ, палкой, либо нагаемъ. А

какъ возьмутъ подъ лозы на полѣ, въ сборнѣ или на панскомъ дворѣ, тутъ только проси Бога, чтобы остался живъ. Не приведи Богъ, какъ били и мучили насъ, и не то что управляющіе и экономы, а просто писаря и досмотрщики. И думаешь было не разъ, зачѣмъ это Господь такой порядокъ допустилъ, что одни работаютъ и сухимъ хлѣбомъ питаются, да еще и побои терпятъ, а другіе на боку лежатъ да бенкетуютъ, и ни въ чемъ не находишь отвѣта на такой вопросъ.

Тяжело было положеніе наше до 1847 г., т. е. до изданія «инвентарныхъ правилъ», но не легче оно было и потомъ, и виною сему были тѣже паны. «Царь хотивъ намъ добро зробить, та иродови паны перепутали по своему»,—такъ говорилъ народъ объ этихъ правилахъ, когда они вошли въ дѣйствіе, и говорилъ вѣрно. Что изъ того, что въ «Правилахъ» говорилось, съ какихъ лѣтъ можно брать человѣка въ работу и съ какихъ не должно, сколько дней работать въ недѣлю мужчинѣ и сколько женщинѣ, сколько напр. сноповъ и какого хлѣба и какой мѣры нажать, или обмолотить и проч. Но попробуй сказать, что онъ требуетъ не по «Правиламъ», сейчасъ тебя въ зубы или нагаемъ, либо на конюшню подъ розги, а то къ становому отправить, какъ бунтовщика. И сколько изъ насъ за такія упоминки о «Правилахъ» поплатились розгами въ стану, въ тюрьмахъ сидѣли, были выселяемы и ссылаемы! Досталось и мнѣ, и больше за это. На бѣду мою, я былъ грамотный, слушалъ, читалъ и помнилъ «Правила». Чуть было паны чего лишняго требуютъ, люди за работой спрашиваютъ меня, а я конечно не могу отказать ихъ просьбѣ. Какъ узнали про это паны, то такъ взялись на меня, что рады были бы со свѣта меня согнать, или изъ села выжить.

Поссесоромъ въ то время въ нашемъ селѣ былъ нѣкто Фавстъ Каминскій, а экономомъ Яворскій. Оба они сильно не любили меня и постоянно выискивали случай чѣмъ-нибудь досадить мнѣ и обидѣть меня. Разъ, во время свозки хлѣба, экономъ накинулся на меня за то, что я не выслалъ третьяго воза „на ланъ“. Я говорю ему: „въ Правилахъ нема“, а онъ меня „бацъ“, едва на ногахъ удержался: «я говоритъ, покажу тоби правила» и хотѣлъ

меня еще нагаемъ, да я отскочилъ. Нажаловался онъ на меня поссесору. Думаю, не посмѣетъ и поссесоръ бить меня, когда я правъ. Не тутъ-то было. Ѣду я на другой день въ поле, правда не съ разсвѣтомъ, ибо для пана это все равно, лишь бы я привезъ ему споповъ, сколько положено. Налетаетъ на меня фольварковый козакъ и давай драть меня нагайкой за то, что поздно на ланъ ѣду. Оказалось, что его поссесоръ наслалъ на меня. А въ то время какъ разъ пріѣхалъ къ намъ изъ Варшавы Липинскій, управляющій имѣніемъ графини Потоцкой. Я и пожаловался ему на эконома и козака. Липинскій поручилъ разобрать это дѣло «ключевому эконому» и, по докладу его о томъ, что я былъ обиженъ экономомъ Яворскимъ и фольварковымъ козакомъ совершенно напрасно, приказалъ имъ обоимъ удовлетворить меня за нанесенные мнѣ ими побои.

За эту жалобу еще больше озлился на меня поссесоръ Каминскій и велѣлъ какъ меня, такъ и отца моего забить «въ колодку» и посадить «на зборню». Проходитъ онъ черезъ нѣсколько часовъ мимо насъ и начинаетъ выговаривать мнѣ, издѣваться надо мною, бранить меня. Я только что началъ было оправдываться предъ нимъ, а онъ какъ стоялъ предъ нами съ палкою, такъ и ткнулъ мнѣ ею въ зубы. Продержалъ насъ панъ поссесоръ на зборнѣ три дня на сухомъ хлѣбѣ и на водѣ. Потомъ приходитъ къ намъ арендарь и уговариваетъ насъ просить у пана прощенія. Мы не покорились. На другой день панъ требуетъ насъ къ себѣ. Приходимъ, какъ были, въ колодкахъ, думаемъ, опять будетъ бить; а онъ вдругъ говоритъ намъ такія рѣчи: «ну, то я вже вамъ вшистко дарую; я панъ, тай вы люди поважни.—на що намъ сердитися, щобъ насъ люде судили»? Мы только переглянулись съ отцемъ, а панъ велѣлъ разбить колодки и отпустить насъ. Потомъ мы узнали, что онъ ждалъ Зелинскаго опять въ Поборки и боялся, чтобы мы уже на него не нажаловались пленипотенту графини.— Панъ, какъ и жидъ, верховодилъ надъ мужикомъ, когда чувствовалъ за собою силу, но готовъ былъ унизиться, если видѣлъ какую либо опасность для себя.

Унизился и посессоръ передъ нами, но затаилъ злобу противъ меня въ душѣ своей и при первомъ наборѣ рѣшился сдать меня въ солдаты. Какъ поссесоръ, онъ не имѣлъ права распоряжаться этимъ безъ согласія громады, а потому отдалъ приказъ схватить меня въ самый день вывоза рекрутъ изъ нашего села на послѣдній осмотръ въ рекрутское Присутствіе, временно устроенное въ м. Соболевкѣ. И меня схватили тайно и совершенно неожиданно, забили въ колодки и повезли. Читатель! если тебѣ не приходилось видѣть прежняго рекрутскаго набора, то ты можешь считать себя счастливымъ. Ничего ужаснѣе я и представить себѣ не могу. Молодые, не женатые люди еще какъ нибудь могли мириться съ этимъ; но женатому, семейному, домовитому человѣку идти на 25-ти лѣтній срокъ тогдашней военной службы— это все равно почти, что идти на явную смерть. И какъ идти? Сидитъ себѣ человѣкъ въ своей хатѣ, или работаетъ на своемъ, либо панскомъ дворѣ, ничего не зная и не подозрѣвая, такъ какъ приказъ о наборѣ держался обыкновенно въ величайшемъ секретѣ. Вдругъ, по приказу панскому, набрасываются на него, схватываютъ, вяжутъ веревкой или поясомъ руки назадъ, забиваютъ ноги въ колодки, держатъ подъ карауломъ двѣ-три недѣли, а потомъ сваливаютъ, какъ бревно, на возъ и подъ стражею везутъ въ присутствіе; тамъ забрѣютъ, переодѣнутъ и погонятъ за сотни и тысячи верстъ. Прощай семья и село родное, прощай жена и дѣти, въ большей части на вѣки! Въ такомъ положеніи былъ и я теперь. Нужды нѣтъ, что я одинъ сынъ у отца, что у меня жена и маленькія дѣти. Схватили и повезли. Такъ пану угодно! Самъ онъ лично присутствовалъ при сдачѣ изъ опасенія, чтобы я какъ-нибудь не ускользнулъ отъ рекрутчины. Уже меня раздѣли и я готовъ былъ отправиться въ присутствіе. Но тутъ подошли мои ооносельцы, пришли и многіе знавшіе меня жители Соболевки и другихъ сосѣднихъ селъ. Заволновалась вся эта громада и заступилась за меня. Видитъ поссесоръ, что можетъ раздражить народъ, и говоритъ: «нехъ буде по вашому, тилько визьмить его собп въ мого села; грунтъ ему сплачу и три годы буду за нёго подати платити». Входитъ тутъ коммисаръ Лишинскій, при-

слушивается и говоритъ: «я возьму его за козака до скарбу». А священникъ нашъ о. Ѳеодоръ Сокальскій перебиваетъ: «а я его за старосту церковного радъ бы взять». Такъ и освободили меня отъ рекрутства.

Насталъ 1848 г., памятный для насъ холерою. Въ нашей семьѣ первыми заболѣли я и мать моя. Отвезли насъ обоихъ въ больницу, а тамъ сразу пустили намъ кровь. Лежимъ мы, на одного Господа уповая. Провалялись недѣли двѣ, пока насъ домой не забрали. Я сталъ выздоравливать, а мать моя на другой же день скончалась. Умеръ вскорѣ и меньшій братъ мой и родная дочь, а сынъ раньше сего. Все разомъ; не даромъ говорятъ: одна бѣда не ходитъ, а ведетъ съ собою другую. Напала на меня такая тоска и печаль, что не приведи Господи. Сталъ я и самъ думать о смерти, и ношусь съ этими мыслями денно и нощно.

Предъ праздникомъ Св. Троицы рѣшился я устроить поминальный обѣдъ за умершихъ сродниковъ и не пожалѣлъ для этого лучшаго вола. Прихожу въ церковь къ обѣднѣ и слышу, священникъ читаетъ въ евангеліи: *аще кто оставитъ домъ, или села, или отца, или мать, или жену, или чада имене Моего ради, сторицею пріиметъ и животъ вѣчный наслѣдуетъ.* Господи! думаю, да зачѣмъ же я скитаюсь въ семъ мірѣ? И что это за жизнь? Одни скорби и лишенія, страхи и мученія. Если и удалось что собрать, то кому оно останется? Дѣтей Богъ къ себѣ забралъ... А если оставить все это для Бога и самому послужить Богу? Тутъ впервые посѣтила меня мысль о монашествѣ. А жена? подумалъ я опять и остановился. Но вспомнилъ изъ житій святыхъ не одинъ примѣръ, какъ супруги, по взаимному согласію, оставляли міръ и шли на служеніе Богу, и опять принялся за мысль, всецѣло меня обнявшую. А слова Христовы глубоко запали мнѣ въ душу и я не могу ихъ забыть. Прихожу изъ церкви и говорю своей женѣ:

— А що, моя голубко, якъ я оце тебе покину?

Жена приняла мои слова за шутку, разсмѣялась и говоритъ:

— То кидай! тилько и шкоды, я ще кращого соби знайду.

Дальше говорить было невозможно, и я замолчалъ. Но волне-

ніе въ душѣ моей не улегалось цѣлый день, а ночью снилось уже мнѣ, что я діаконствую въ нашей сельской церкви. Пробудился я и хотѣлъ было забыть свои мысли, но нѣтъ, никакъ нельзя; за что ни возьмусь, все изъ рукъ валится. Такъ прошелъ цѣлый мѣсяцъ. Собрался я съ духомъ и опять говорю женѣ, что хочу оставить ее.

— Що ты це таке чудне, та дивне думаешь? спрашиваетъ меня жена —Нема мабуть тобѣ чого робити? Онъ, у тебе хазяйство, объ тимъ думай, а то не знати що верзе.

Я однако серьезно и настойчиво сталъ объяснять ей мое намѣреніе и то, какъ оно могло бы быть выполнено. Жена слушала меня внимательно, видѣла, что это не шутка, но никакъ понять моего желанія не могла, и когда я кончилъ, глубоко вздохнула и, подумавши немного, сказала:

— А щобъ я лучше вмерла, нижъ бы мала такъ оставатись!

Проходили дни за днями. Запавшая мнѣ въ душу мысль росла и крѣпла, а жена впадала все въ большую задумчивость. Истекалъ шестой годъ нашего супружества. Припомнились ей зловѣщія предсказанія на нашей свадьбѣ и она стала все чаще и чаще говорить о смерти, и не только говорить, но и самымъ дѣломъ готовиться къ ней: все наше имущество, невѣдомо для моего отца, она стала раздавать бѣднымъ, какъ будто бы намъ самимъ уже ничего не нужно было. Я и не препятствовалъ ей въ этомъ, но какая то глубокая тоска запала мнѣ вновь въ душу, какое то тяжкое предчувствіе давило меня. Свадебныя предсказанія начинали сбываться: не прошло и мѣсяца послѣ нашего разговора о моемъ монашествѣ, какъ жена моя заболѣла. Чѣмъ она болѣла, никто разгадать не могъ; но мысль о смерти не покидала ее. Продолжала она раздавать все свое имущество и оставила себѣ нужное только на случай смерти. Лице, рѣчь и всѣ мысли ея совсѣмъ измѣнились. И какъ она радовалась, что, раздавая свое добро бѣднымъ, она тѣмъ самымъ готовится къ будущей блаженной жизни!

Болѣзнь моей жены длилась отъ Покрова до Пасхи. На страстной, въ пятницу, какъ будто пришелъ ей часъ умереть, такъ она ослабла и обезсилѣла. Собрались сродники. По просьбѣ жены

я сталъ читать псалтирь, а затѣмъ и молитвы на исходъ души; но смерть отступила отъ нея. Родные разошлись, женѣ стало легче и она дождалась еще Свѣтлаго Праздника и пережила первые его дни, а наканунѣ свѣтлаго четверга тихо, съ радостію Богу душу предала.

Въ свѣтлый пятокъ похоронилъ я жену и въ тотъ же самый день—повѣритъ ли кто?—взяли опять меня въ рекруты. Вотъ что творили съ нами паны! Сначала поссесоръ склонился на просьбы нашего священника и въ воскресенье меня выпустили изъ колодокъ; но скоро я узналъ, что это сдѣлано лишь изъ опасенія волненія громады, а что затѣмъ велѣно схватить меня въ тотъ день, когда рекрутъ будутъ везти изъ села къ пріему; когда-жъ наступитъ этотъ день, никто не зналъ. Одинъ изъ моихъ односельцевъ, тотъ самый, который долженъ былъ взять меня, по предварительному уговору, далъ мнѣ о семъ знать, встрѣтивъ меня на улицѣ и дотронувшись до меня рукою. Принялъ онъ, правда, за это отъ пана 50 розокъ; но я успѣлъ скрыться.

Побрелъ я тайно отъ всѣхъ въ Граповскій монастырь, чтобы дать на сорокоустъ по женѣ и по матери. Прихожу и разсказываю игумену все, что творилось со мною.

— Хорошо, говоритъ; оставайся здѣсь, тутъ никто тебя не тронетъ, а хочешь въ монахи, и въ этомъ не откажемъ.

Съ великимъ страхомъ остался я въ монастырѣ и прожилъ тамъ двѣ недѣли. Но наступалъ праздникъ Пятидесятницы и мнѣ захотѣлось справить обѣдъ по моей покойницѣ для всего села. Какъ ни уговаривалъ меня игуменъ подождать, чтобы опять не попасть въ руки пановъ, но я рѣшился исполнить свой долгъ и пошелъ въ свое село.

Поминальный обѣдъ прошелъ благополучно, хотя поссесоръ и отдалъ приказъ слѣдить за мною. Собрались всѣ, кого я просилъ, пришли и тѣ, которымъ приказано было отъ поссесора стеречь меня. Я ввелъ ихъ въ хату, посадилъ за столъ и сказалъ имъ: «якъ маете зъ боку дивитись за мною и стерегти мене, то лучше сидить тутъ зъ людьми и поминайте мою покойныцю».

Чтобы устранить однако грозившую мнѣ опасность отдачи въ солдаты и вмѣстѣ препятствія къ поступленію въ монастырь, о чемъ узнали уже паны и люди, я пустилъ слухъ, что хочу жениться, пріодѣлся, подбрился и сказалъ пріятелямъ, чтобы искали мнѣ невѣсту. Хитрость моя удалась. Такъ чрезъ это и прекратились толки о моемъ намѣреніи уйти въ монастырь. Одному отцу моему я открылся во всемъ раньше и онъ одинъ зналъ о моемъ рѣшеніи. Сначала онъ не соглашался и не совѣтовалъ этого дѣлать.

— То тоби, говорилъ, такъ чогось въ голову зайшло, зъ нудьги, та зъ печали. Визьмись до роботы, або забирай пшеныцю та йди въ Адесъ, то тая дурныця, якъ пара, геть по степамъ розійдеця. Якій зъ тебе чернець? Хиба тымъ душу спасешъ, що чорну одежу на себе надинешъ? Спасись, кажуть, въ мыри, а не въ манастыри. Отъ що!

Но я не могъ нарушить обѣта, данпаго въ душѣ Богу, и преслѣдовалъ свою цѣль неустанно. А пока я достигъ осуществленія моихъ желаній, пришлось мнѣ вытерпѣть еще не мало.

Началась уборка хлѣба; въ первый день я послалъ на барщину въ поле своего работника, а самъ собирался ѣхать въ грановскій монастырь вмѣстѣ съ нашимъ священникомъ, который взялся довезти меня, отправляясь въ Гайсинъ. Когда я велъ его лошадей съ поля, встрѣчаетъ меня экономъ.

— А ты чомъ не на лану? Не знаешь, де ты повинепъ бути зъ серпомъ? закричалъ онъ на меня.

— Я, говорю, пославъ за себе на ланъ.

— Самъ повиненъ бути тамъ, крикнулъ экономъ и велѣлъ мнѣ идти за нимъ.

Пошелъ я за нимъ. Привелъ онъ меня къ «скарбовымъ» плугамъ, гдѣ рабочіе пахали, и крикнулъ: „розогъ!“ Тотъ часъ явились розги; меня раздѣли и начали бить немилосердно.

— Паночку, голубчику! Змилуйся надо мною! прошусь я у эконома, но онъ не обращаетъ вниманія на мои мольбы и только покрикиваетъ парубкамъ: «дужче его, дужче»!

Больно было мнѣ, не дай Богъ, какъ больно; рвусь, кричу:

— Мати Христова, Царица Небесная, не оставь мене!

А экономъ сидитъ на лошади и только подсмѣивается надо мною.

— А! говоритъ, богомольный, вмѣшъ проситися? Бійте его щилненько!

Перестали наконецъ бить меня.

— Теперь, говоритъ мнѣ экономъ, ступай на ланъ!

— Въ мене, говорю, серпа нема; пиду перше по серпъ, а тогди прыйду на ланъ.

Пошелъ я будто бы за серпомъ, а между тѣмъ отправился къ священнику и разсказалъ ему о томъ, что случилось со мною. Священникъ немедленно написалъ къ поссесору записку о томъ, что дѣлаетъ экономъ, и затѣмъ, усадивъ меня съ собою на повозку, поѣхалъ въ Гайсинъ, а оттуда въ монастырь.

Люди на полѣ видѣли, какъ мы проѣзжали, и стали говорить экономy:

— Ой буде, вамъ пане! цежъ Аверкій поихавъ зъ батюшкою въ судъ жалитися на васъ.

Люди смѣялись надъ экономомъ, а онъ повѣрилъ имъ и полетѣлъ за 20 верстъ въ м. Тепликъ къ становому приставу. Но для пристава это былъ сущій кладъ, когда панъ обращался къ нему за помощью или съ жалобою, особливо по дѣлу о причиненіи побоевъ крестьянамъ. Конечно, крестьянамъ отъ того не легче было, но изъ пана приставъ вываритъ воду, обдеретъ его, какъ липку. Что ужъ тамъ на сей разъ у нихъ было, не знаю; но только экономъ, воротясь домой, долго шушукался съ поссесоромъ, оба какъ-то присмирѣли и хотя приказали заковать меня въ желѣзные оковы и посадить «на сборнѣ», но со страхомъ выжидали пріѣзда пристава. Прошло такъ двѣ недѣли. Къ пріѣзду пристава поссесоръ и экономъ пригласили поссесора изъ с. Шимановки Инглуцкаго и помѣщика с. Рижавки, Коссовскаго, набрали изъ «громады» 12 человѣкъ свидѣтелей. Готовился какъ будто судъ надо мною за то, что меня побили. Послѣ я узналъ, что былъ предъ тѣмъ отъ высшаго начальства приказъ уѣздной полиціи строго наблюдать за панами, чтобы они не допускали жестокости въ наказаніи крестьянъ, и наши паны не на шутку боялись, чтобы приставъ

не подвелъ ихъ подъ судъ. Пріѣхалъ наконецъ и приставъ. Меня велѣли расковать и привели къ поссесору. Приставъ самъ разспрашивалъ меня обо всемъ подробно. Когда я разсказалъ ему, какъ со мною поступилъ экономъ, то онъ тутъ же, обратясь къ эконому и поссесору, сталъ выговаривать имъ:

— А! такъ вотъ какъ! Сами вы, господа, виноваты, а стараетесь обвинить человѣка совершенно невиннаго! Такъ вы вотъ какъ управляете людьми!

Тутъ паны стали усердно просить пристава въ комнату. Можно было подумать, что приставъ горою готовъ стоять за бѣднаго мужика и упечь пановъ: но ничего такого на самомъ дѣлѣ не было: онъ только ловко пугнулъ пановъ и намъ «туману» въ глаза пустилъ.

Долго переговаривались паны съ приставомъ въ «покояхъ», конечно за «килишками» и закуской, а мы все стояли на дворѣ передъ крыльцемъ. Наконецъ выходитъ къ намъ .. кто же? — панъ Коссовскій, сосѣдній помѣщикъ, которому конечно и дѣла никакого до насъ не было, и говоритъ, обращаясь ко всѣмъ, кромѣ меня:

— Напиталисте соби клопоть презъ едного гультяя. Вси вы люди, якъ люди, панщину одбуваете, податки складаете, пана послухаете, опричь того грубіяна (при этомъ панъ со злостію взглянулъ на меня). Наробивъ теперь гвалту, що доставъ у шкуру! Щожъ то? звычайна речь. Варто бъ вамъ его видъ себе виддалити. То есть, якъ една паршива скотинка въ згони. Бо громада...

Панъ удержался отъ нелестнаго для громады сравненія съ «быдломъ» и, въ замѣнъ того кашлянувъ раза два, закончилъ:

— Ну, идить же соби зъ Богомъ!

— А зо мною якъ же буде? спросилъ я его.

— А коли тебе нихто не арештуе, то не маешъ на що ждати, отвѣтилъ онъ мнѣ и съ тѣмъ потянулъ до своей компаніи.

Приставъ такъ и не показывался къ намъ. Очевидно, панъ Коссовскій посланъ былъ къ намъ отъ всей компаніи. Выслушавъ его не мудрую рѣчь, я подумалъ про себя, что теперь ни

паны, ни громада не будутъ меня удерживать и мѣшать мнѣ въ моемъ намѣреніи принять иночество. Должно быть однакожъ приставъ хорошенько обчистилъ нашихъ пановъ, потому что экономъ на другой же день, не найдя меня на лану, послалъ за мною козака и еще разъ жестоко высѣкъ меня.

Послѣ этого я поспѣшилъ упросить монхъ односельцевъ подписать изготовленное мною свидѣтельство объ увольненіи меня изъ сельскаго общества и съ этимъ свидѣтельствомъ пошелъ къ становому приставу, чтобы попросить у него совѣта на счетъ увольненія меня изъ помѣщичьяго подданства. Приставъ посовѣтовалъ мнѣ подать просьбу объ этомъ управляющему, для представленія ея графинѣ, а до времени увольненія меня изъ ея подданства, чтобы я могъ спокойно жить въ монастырѣ, далъ мнѣ, по просьбѣ моей, срочное свидѣтельство на полгода. Очевидно, что все было заранѣе условлено между нимъ и моими панами и они готовы были на все, только бы сбыть меня съ рукъ и спокойно, безъ протеста угнетать монхъ односельцевъ.

По срочному свидѣтельству, которое возобновлялось на каждое полугодіе, прожилъ я въ монастырѣ цѣлыхъ три года и все ждалъ увольненія, посылая просьбу за просьбой. Жилось мнѣ тамъ хорошо: игуменъ былъ очень привѣтливъ ко мнѣ и поручилъ мнѣ, какъ знакомому съ хозяйствомъ, завѣдываніе монастырскою экономіею; но меня постоянно смущало то, что мнѣ не даютъ увольненія изъ подданства, а чрезъ это я лишаюсь надежды когда либо принять постриженіе въ монашество. Не желала ли того сама графиня, или главноуправляющій всѣми ея имѣніями, не знаю. По прошествіи трехъ лѣтъ управляющій Липинскій, о которомъ я не разъ упоминалъ, былъ смѣненъ, а на мѣсто его поступилъ Силицкій, зять главноуправляющаго Гродецкаго, который и самъ по этому случаю прибылъ изъ Варшавы въ м. Тепликъ, гдѣ было управленіе подольскихъ имѣній графини. Узнавъ о пріѣздѣ Гродецкаго, я отправился къ нему. Онъ охотно обѣщалъ выхлопотать мнѣ у графини увольненіе изъ ея подданства, но потребовалъ, чтобы я доставилъ ему отъ монастырской братіи свидѣтельство о моемъ поведеніи въ монастырѣ во все время пребыванія моего тамъ. Игуменъ не только не отказалъ

мнѣ въ этомъ свидѣтельствѣ, но далъ мнѣ даже просфору, чтобы я вручилъ ее Гродецкому. Иду я и, не доходя версты три до м. Теплика, встрѣчаю Гродецкаго, который шелъ пѣшкомъ. Поздравивъ его съ праздникомъ Пасхи, вынимаю просфору и даю ему вмѣстѣ съ прошеніемъ и свидѣтельствомъ. Панъ остался по видимому очень доволенъ вниманіемъ игумена, оказаннымъ черезъ меня, взялъ просфору и бумаги и обѣщалъ чрезъ два мѣсяца прислать мнѣ изъ Варшавы увольненіе. Я попросилъ его выдать мнѣ дозволеніе на прожитье въ монастырѣ до присылки увольненія.

— Хорошо, сказалъ онъ, иди ко мнѣ. Я вотъ только встрѣчу своихъ дѣтей (дочь съ мужемъ), ѣдущихъ изъ Дашева, и сей часъ домой. Пріѣдетъ зять и выдастъ тебѣ свидѣтельство.

Дѣйствительно, вскорѣ показалась на дорогѣ коляска, запряженная цугомъ. Изъ нея вышли зять и дочь Гродецкаго, почтительно привѣтствовали его и, усадивъ съ собой, поѣхали въ Теплик. Я пошелъ въ слѣдъ за ними и на другой день получилъ необходимое мнѣ свидѣтельство за подписью новаго управляющаго. Но вотъ что разсказалъ мнѣ кучеръ Гродецкаго, который привозилъ его дѣтей и у котораго я ночевалъ.

Когда, говоритъ, нашъ панъ садился въ коляску, то, показывая своимъ дѣтямъ просфору, говорилъ: «Это, видите ли, хлопъ встрѣтилъ меня на дорогѣ съ благословеннымъ хлѣбомъ».—А это хорошій знакъ, замѣтилъ ему зять и нелюбопытствовалъ узнать, чтобы это былъ за хлопъ, что встрѣтилъ пана съ просфорой, да еще въ полѣ.—А это, говоритъ, такой хлопъ, что хочетъ стать чортомъ.—Какъ такъ?—Да онъ, говоритъ, хочетъ быть монахомъ.—Что жъ, и хорошо! замѣчаетъ зять.—Что же тутъ хорошаго? отвѣтилъ ему тесть и прибавилъ: «хлопъ законникъ, а чортъ, то все одно».

Зять, говоритъ (Богъ его знаетъ, откуда онъ, а видно добрый панъ), заступился за нашу вѣру. Вы, говоритъ, не знаете конечно, что когда мнѣ (давно то, говоритъ, уже было) случилось заболѣть, да такъ, что и доктора уже отказались лечить меня, то исцѣлился я не въ другомъ мѣстѣ, а только въ кіевской лаврѣ, которая у хлоповъ считается такою великою святынею. Много слышалъ

я объ ней у насъ на Украинѣ, поѣхалъ туда, помолился и вернулся домой здоровымъ, и съ тѣхъ поръ здоровъ и до сего дня. Ахъ, какъ тамъ хорошо! И сколько тамъ святыхъ! Изъ того я, говоритъ, вижу, что и хлопская вѣра угодна предъ Богомъ.

— А что, васпанъ, мовишь? отвѣтилъ ему Гродецкій. Ничего, говоритъ, ты не разумѣешь. Наша католицкая вѣра первая у Господа Бога и она одна Ему пріятна, а хлопская вѣра ничего предъ Нимъ не значитъ. Чортъ чортомъ, а хлопъ хлопомъ; чортъ и хлопъ—то все одно.

Вотъ какъ паши паны думали объ насъ и о нашей вѣрѣ, хотя въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ не было костеловъ, они ходили въ наши церкви, прикладывались къ кресту и евангелію, принимали и подносимыя имъ просфоры, допускали священниковъ къ окропленію ихъ домовъ въ Крещенье и пр.

Выслушавши весь этотъ разсказъ, я понялъ, что мнѣ нечего полагаться на обѣщанія Гродецкаго и рѣшился лично отправиться въ Варшаву и тамъ выпросить себѣ непосредственно у графини увольненіе изъ ея подданства. Распросивъ у того же кучера дорогу до Варшавы и взявъ въ коммисарскомъ управленіи проходное свидѣтельство, а по нему въ уѣздномъ казначействѣ плакатный паспортъ, попрощался я въ родномъ селѣ съ отцемъ и съ обществомъ, а въ монастырѣ съ игуменомъ и братіею, пустился въ далекій путь чрезъ Почаевъ и прибылъ въ Варшаву спустя недѣлю послѣ Пасхи.

Въ Варшавѣ я зашелъ прямо въ архіерейскій домъ и попросился переночевать, въ чемъ мнѣ и не отказали. На другой день доложили обо мнѣ архіепископу Арсенію. Этотъ умный и достойнѣйшій архипастырь, впослѣдствіи митрополитъ кіевскій, былъ прежде въ Подоліи; поэтому появленіе въ Варшавѣ человѣка изъ подольской его паствы, пришедшаго сюда искать увольненія изъ подданства и поступленія въ монашество, его заинтересовало. Владыка приказалъ позвать меня къ себѣ, распросилъ, обласкалъ и обѣщалъ даже принять меня въ одинъ изъ своихъ архіерейскихъ домовъ въ Почаевѣ или Житомірѣ (тогда варшавская епархія еще не была отдѣлена отъ волынской).

Того же дня я отправился къ графинѣ Потоцкой. Оказалось, что графиня выѣхала за границу; вмѣсто нея пришлось обратиться къ тому же Гродецкому. Онъ принялъ меня сурово, расходился было не на шутку, грозилъ отправить меня обратно въ грановскій монастырь, наконецъ сказалъ, что безъ графини ничего не можетъ сдѣлать и что она возвратится не скоро. Я отвѣчалъ, что готовъ и подождать, и на вопросъ его, гдѣ же буду ждать? сказалъ: меня тутъ архіерей принялъ. Гродецкій замолчалъ и, подумавъ немного, сказалъ: «ну, какъ хочешь».

Владыка Арсеній опредѣлилъ меня временно въ послушаніе просфорникомъ при каѳедральномъ соборѣ и свѣчаромъ въ архіерейскихъ домовыхъ церквахъ. Между тѣмъ чрезъ двѣ недѣли вернулась изъ-за границы графиня Потоцкая. Владыка самъ начерпилъ мнѣ прошеніе и отослалъ къ графинѣ чрезъ консисторію, а когда я шелъ лично явиться графинѣ, послалъ со мною одного іеромонаха. Графиня ласково приняла меня, обѣщала на другой же день прислать увольненіе, какъ и дѣйствительно сдѣлала. Это окончательно рѣшило мою судьбу, и съ тѣхъ поръ я не возвращался въ міръ.

Того же лѣта графиня отправилась въ тенлицкое свое имѣніе навѣдаться, какъ тамъ идутъ дѣла, какъ живутъ ея люди. Много милостей она оказала тогда: во всѣхъ православныхъ храмахъ была и гдѣ требовались исправленія, велѣла произвести таковыя, вознаградила людей за притѣсненія и обиды, которыя они терпѣли отъ поссесоровъ и даровала всѣмъ правдивый судъ и милость. «Я желаю, говорила она поссесорамъ, чтобы мои люди не плакались на меня. Смотрю на нихъ не какъ на подданныхъ, а какъ на дѣтей моихъ, ибо другихъ дѣтей у меня нѣтъ».

Заканчивая на этомъ мои воспоминанія о мірской моей жизни, скажу коротко: много враговъ ставилъ препятствій моему намѣренію посвятить себя на служеніе Богу; но Богъ помогъ мнѣ ихъ преодолѣть и ввелъ меня въ тихое пристанище. Послѣ многихъ перемѣнъ и въ иноческой моей жизни, водворился я наконецъ въ к—ской пустыни, и здѣсь въ мирѣ скончаваю животъ свой, благословляя Бога, спасшаго меня отъ малодушія и отъ бури.

Іер. Ѳ—лъ.